

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

The background of the cover is a detailed illustration. On the right, a muscular man with long, light-colored hair and tribal-style tattoos on his back and arms stands on a rocky ledge. He is shirtless, wearing a brown loincloth and leg wraps, and holds a large battle-axe. On the left, a massive, blue-scaled dragon with glowing yellow eyes and sharp teeth is partially submerged in a green, misty liquid. A man in a red tunic is being crushed by the dragon's front paws.

ТОРГОВЕЦ ЭПОХАМИ

КНИГА ПЕРВАЯ
РАЙ И АД ЗЕМЛИ

ЭКСМО

Магия – наше будущее

Юрий Иванович

Рай и ад Земли

«ЭКСМО»

2009

Иванович Ю.

Рай и ад Земли / Ю. Иванович — «Эксмо», 2009 — (Магия — наше будущее)

ISBN 978-5-699-36930-0

Какими дорогами не идёт человечество к своему великому будущему, но в итоге всё равно окажется, что оно приблизится к умению манипулировать магическими умениями, понятиями и сущностями. И только так сможет выйти на контакт с иными цивилизациями. А если бы ещё и в прошлой своей истории не сжигали ведьм — то уже сейчас бы люди твёрдо стояли на новой, пока ещё немыслимой для нас, ступеньке своего могущества. Дмитрию Светозарову, живущему в Европе русскому бизнесмену, дан от природы чудесный дар — он способен путешествовать в параллельные миры. Дмитрий пользуется этой своей способностью, организуя частные тайные экскурсии для богатых людей и зарабатывая на этом миллионы. Но в неустойчивом современном мире трудно долго держать в секрете такую удивительную способность, и скоро деятельностью Дмитрия начинают интересоваться спецслужбы.

ISBN 978-5-699-36930-0

© Иванович Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	43
Глава 5	60
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юрий Иванович Рай и ад Земли

© Иванович Ю., 2009

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

Пролог

Прокоп Скауди полагал себя не только самым знаменитым экстремалом в мире, но и самым знаменитым экстремалом среди миллионеров. Ибо общеизвестно: очень богатые личности могут позволить себе такое, что простым, пусть даже и очень рисковым людям, и не снилось. И за свои миллионы Прокоп разрешал себе все, что душа пожелает.

Вот и сейчас он готовился испытать еще одно, ни с чем несравнимое, по словам организаторов, ощущение. Хотя и осматривался Прокоп вокруг себя с явным разочарованием и скепсисом. Он находился на открытом поле, покрытом потрескавшимся солончаком, который густо пробивали пересохшие травинки. В пятистах метрах перед ним находился холм, из-за которого и ожидалось, по сценарию, появление того самого обещанного экстрима. Припекало солнышко, буднично звенели цикады, лицо освежал ровный, без перепадов упругий ветерок.

Миллионер уже с некоторым раздражением оглянулся назад. Там, в трех километрах, виднелся еще один холм, глиняный, размытый дождями и изборожденный ветром, за которым скрывался вертолет, их сюда доставивший. А прямо на желтом фоне глиняного холма красовался организатор всего нынешнего представления. Молодой, однако уже легендарный в узких кругах мужчина, восседающий за рулем роскошного мотоцикла с коляской. Даже с такого расстояния Прокоп заметил, как мотоциклист успокаивающе махнул обеими руками. Мол, подождите еще немножко.

«А чего ждать?! – все больше раздражался миллионер. – Когда мы подлетали, я отчетливо рассмотрел пространство за этим холмом: голая степь на многие десятки километров. Да там и суслику негде спрятаться, не то что конному рыцарю. Разве что под землей что-то построили? Ха! Сколько они там могут поместить? А ведь этот пройдоха обещал самую что ни на есть жуткую атаку тяжелой рыцарской конницы полноценным королевским полком. Правда, так и не признался, сколько рыцарей состоит в этом полку. Ну, пусть только попробует мне подсунуть жалкий десяток каких-то задохликов в консервных банках! Сдеру с него всю неустойку в тройном размере! Мало того...»

Недовольные рассуждения Прокопа прервал легкий вибрирующий гул, и он тут же с новым интересом повернулся к так называемой сцене. Как раз вовремя. По всему гребню одновременно показались вначале верхушки копий и пышные султаны, потом – шлемы и конские головы, а уж затем и рыцари в полном облачении, величественно восседающие на забранных в бронированные попоны лошадях. Вернее, даже не на лошадях, а на мастодонтах, словно специально выведенных для ношения невероятного по тяжести железного груза.

У любителя экстрима глаз был натренирован не хуже, чем его непомерная хватка бизнесмена, подкрепленная неисчислимой наличностью в банках. Поэтому он и с расстояния в полкилометра прекрасно мог заметить несоответствие в масштабах и размерах. По его прикидкам получалось, что любой рыцарь ростом был под два метра, да и их битюги заметно превосходили по высоте любые нормы. Чтобы достать до луки седла, обычному человеку пришлось бы вытянуть руки над головой.

Опытный Прокоп сразу разгадал загадку:

«Да ведь они в основании холма подвели специальный газ, а теперь его пустили в воздух. Недаром так дотошно и скрупулезно выбирали время представления, освещение и настаивали именно на этой точке. В это время лучи солнца преломляются в газе под определенным углом и создается увеличительный эффект. Ну что ж, пока еще ничем особо не удивили. Хотя количество всадников впечатляет. И где только они прятались? Для такой банды надо было вырыть самолетный ангар. Или они весь гонорар тратят и еще свои докладывают? Хе!»

Действительно, только в первой шеренге располагалось около восьмидесяти рыцарей. Все они выстроились идеально прямой линией и, выхватив короткие орудия, похожие на булавы,

стали синхронно колотить по собственным щитам. Грохот даже на таком расстоянии получился ужасающий.

«Ага! – с пренебрежением усмехнулся Прокоп. – Начинают психическую атаку шумовыми эффектами. Старо как мир...»

Но какое-то тянущее, неприятное чувство этот грохот определенно вызывал. Так и хотелось встряхнуться, сбрасывая давящее наваждение, как делают собаки. На этом шумовые эффекты не кончились. Сначала с довольно мерзким низким звуком загудела поднятая во второй шеренге труба. Еще более мерзким тоном ей вторила другая – и в этот момент стена всадников дрогнула в едином первом шаге. Так и продолжая колотить булавами по щитам в ускоряющемся темпе, весь строй рыцарей стал накатом спускаться с холма. Как ни странно, при беглом подсчете рядов оказалось более десяти. И вот тут другой грохот стал перекрывать лязг железа – грохот огромных копыт по пересохшей земле. Когда тяжелая конница набрала скорость, земля под ногами у Прокопа стала вибрировать и сотрясаться.

Добавился рев третьей трубы. Булавы слаженным движением оказались прикрепленными к лукам седел. Похоже, гигантские кони достигли максимума своей скорости, и теперь первая шеренга этих храпящих мастодонтов напоминала миллионеру широкую танковую гусеницу, которая перемалывает в пыль любой грунт под собой. Белое облако уже покрывало коней чуть ли не по грудь. Внизу просматривались только мерно вздымающиеся копыта, взбивающие и подбрасывающие комья земли.

Четвертая труба включилась в дело, когда дистанция сократилась до ста метров. По этой команде все копыта приподнялись, а затем острия опустились вниз, на линию атаки. На восьмидесяти метрах рев усилился сразу несколькими трубами – и после этого рыцари принялись кричать. Причем не что-то, напоминающее привычное «ура!» или просто «а-а-а!». Скорее этот всеобщий крик берсерков напоминал рычание голодного динозавра.

На пятидесяти метрах Прокоп запаниковал и нервно оглянулся: мотоцикла с коляской и самого организатора нигде не было! Быстрый взгляд на фланги подтвердил, что рыцари так и идут прямой линией и в стороны, создавая расходящийся строй, подаваться не собираются. На тридцати метрах ищущему острых ощущений миллионеру вдруг пришла в голову единственная фраза одного из своих самых опасных недоброжелателей: «Ты у меня, козлина, умрешь самой экзотической смертью!»

На дистанции в двадцать метров Прокоп Скауди понял, что его подло и коварно подставили! За собственные деньги он добровольно угодил в смертельную ловушку! Передняя линия шла так кучно и грозно, что раздаться в стороны у рыцарей уже не получится при всем желании. А на десяти метрах стало понятно, что и остановиться они просто не успеют. Неимоверная масса железа и плоти просто по законам инерции не успевает остановиться на таком мизерном отрезке.

И когда до тяжелой кавалерии оставалось всего лишь пять метров, переставший дышать от страха миллионер уловил вместе с донесшейся до него пылью острый запах разогревшихся животных и кисловатый привкус падающего на него железа. И уже уходящим в небытие сознанием он отдаленно уловил произвольные сокращения кишечника. Ноги у Прокопа подогнулись, глаза застлало кровавым туманом, и в этом красном обрамлении он увидел вздымающиеся прямо на него, огромные, с его голову, копыта. А дальше – полный мрак безвременья и бесчувствия.

– Ну, как отдохнули? – Главный исполнитель заказа выглядел невероятно учтивым, готовым выполнить любое желание клиента.

– Нормально. – Глаза лежащего человека пугливо обежали комнату и вновь с подозрением уставились на стоящего у стола молодого человека. – Давно я тут валяюсь?

– Да нет, что вы! Вас только минут пять как раздели санитарки и уложили в постель. Еще и доктор не успел приехать. Хотя нет, кажется, вижу его машину во дворе... Вон, видите, часы на стене? Да и ваш «ролекс» – вон, на тумбочке. Минут десять еще потратили на дорогу. Минуты три – пока я вас отыскал в этом облаке и погрузил в коляску мотоцикла. Ну и сразу хочу принести вам самые искренние извинения. Ребята явно перестарались, подняли слишком много пыли, переборщили с шумовыми эффектами – вполне естественно, что даже ваш крепкий организм не выдержал такой концентрации впечатлений. Вдобавок на этот раз кавалерия решила не расходиться возле вас в стороны, а просто перепрыгнуть одиноко стоящего зрителя. Тренированные животные это делают без труда. Да вот только облако пыли не рассчитали. Вы просто немного задохнулись, поэтому и случился обморок. Но по сути условия сделки мы выполнили. Мне кажется, ощущения вы получили по максимуму. Не правда ли?

Пока длился этот монолог, лежащий на кровати человек лихорадочно размышлял:

«Если часы не подведены и сходятся с моими, а мои потом сойдутся с точным временем, то и вправду с момента обморока прошло не больше четверти часа. Следовательно, то, что я обгадился, – просто игра моего перепуганного воображения. Или... – Заметив, что молодой человек в процессе рассказа стал прохаживаться по комнате и как раз отвернулся, Прокоп поднял одеяло на груди и опустил резко колени. Окутавшая ноздри волна запахов ни в коей мере не напоминала пугающую вонь. – Да нет, вполне нормальный запах тела. Не могли они меня так быстро и тщательно отмыть. И трусы на мне мои... сухие...»

На последний вопрос следовало отвечать, и Прокоп выдавил на своем лице покровительственную улыбку:

– Да, скрывать не стану, вам удалось меня поразить по полной программе. Аванс вами отработан с излишком, и я сию же минуту подпишу давно приготовленный чек на остальную сумму.

Миллионер протянул руку к стоящему с другой стороны кровати стулу и вытянул из своей куртки чековую книжку. При этом он опять-таки не сдержался, склонился чуть больше положенного и принялся к своей одежде:

«Да нет! Брюки жутко пропылены, но запаха подозрительного нет. Что это на меня нашло?...»

Когда чек был подписан и вручен молодому мужчине, тот сделал серьезное лицо и перешел на сухой канцелярит:

– Еще раз хочу напомнить: вы давали подписку о категорическом неразглашении сути испытанного вами удовольствия. Там указывается, что в противном случае к вам будут применены самые жесткие меры.

– Вы меня пытаетесь запугать?! – с пафосом спросил Прокоп.

– Ни в коем случае. Просто пытаемся сами оберегать наших уважаемых клиентов.

– Однако! – стал непроизвольно закипать миллионер. – Хочу вам напомнить, что меня пугать нечем! Моя жизнь прозрачна и чиста, а нескольких эпизодов разврата, которые имеются, мне стыдиться нечего. Сам жду случая, когда о них узнают мои завистники.

– Тем не менее я прошу вас еще раз устно подтвердить подписанное ранее соглашение.

– Хм! Подтверждаю. – После этих слов любитель экстрима ехидно усмехнулся: – Наверняка снимаете на видео наш разговор?

– Конечно. Чтобы потом, при нежелательном развитии событий, вам же об этом напомнить.

– Да в гробу я видел ваши намеки! – Рассерчившийся миллионер резко сел в кровати. Отброшенное одеяло открыло сильно заросшее черными волосами тело. Но похоже, хозяин волосяного покрова совершенно его не стеснялся. Его ноги, словно укутанные вязаными носками из черных ниток, твердо встали на пол, а глаза едко сузились. – А своей кличкой Горилла я даже горжусь. Понятно вам?

– Как вы знаете, я не расист и не делю людей по внешним признакам. Толерантен ко всем честным и порядочным. Просто хочу вам напомнить один случай из нашей практики. Вы помните герцога Штаусе из Швейцарии? – Дождавшись утвердительного кивка миллионера, молодой человек продолжил: – Так вот, он проигнорировал подписанное с нами соглашение и разболтал суть нашего контракта судебным структурам. В результате ему не помогли ни его прославленная родословная, ни знаменитые поручители, ни многочисленные миллионы. Сейчас он находится в психиатрической лечебнице и, как утверждают светила медицины, неизлечим. Если желаете, мы покажем вам соответствующие видеодокументы.

– Наверняка подделка.

– Решать вам.

– Нет, не желаю!

Словно дождавшись этого последнего восклицания, дверь в комнату открылась и спешно вошел импозантный мужчина, у которого на лбу словно было написано, что он самый уважаемый и высокооплачиваемый доктор в округе.

– Кто тут у нас приболел?

Молодой человек промолчал. Только деликатно перевел взгляд на волосатого миллионера. Но тот показательно скривился:

– Да я здоров как бык!

Тут же доктору были принесены пространные извинения за ложный вызов, подкрепленные заверениями:

– Бесспорно, оплата вашего визита будет произведена полностью. Но раз уж вы здесь, приглашаю вас на чашечку кофе.

Местное светило медицины польщенно улыбнулось и направилось к выходу со словами:

– Времени, конечно, в обрез, но если вы угостите еще и тем благородным коньяком...

– Вы могли сомневаться? – Молодой человек уже закрывал за собой дверь, когда до ушей миллионера долетели последние слова: – Лучший кофе всегда пьется только с самым лучшим алкогольным напитком. А вот на закуску...

Прокоп Скауди еще раз раздраженно фыркнул, надел свой «ролекс» себе на запястье, сверил время с настенными часами и стал поспешно одеваться.

Глава 1

Приманка

Кажется, если ты ослепительно красива, изумительно сложена и не по годам умна, то любое твоё начинание обязательно завершится удачным воплощением в жизнь. И все-таки, многое еще зависит от натуры: характера, устремлений, чаяний. От тяги к приключениям, наконец! Будь Александра просто удачно вышедшей замуж красавицей, она, естественно, выбросила бы из головы все глупости, покончила бы с авантюризмом, нарожала бы детей – и, словно заботливая наседка, хлопотала бы над ними, воспитывала мужа да опекала домашний очаг. Более того, по ее собственному глубокому убеждению, даже превратившись в недалекую клушу – хранительницу домашнего очага, она была бы счастлива и довольна жизнью. Ведь пока что любое дело, за которое она бралась в свои двадцать четыре года, у нее получалось просто на «отлично». Александра и сейчас была почти счастлива, но именно это невзрачное «почти» и портило ей настроение с самого утра. Направляясь из дома в офис, она вела машину с такой злостью и остервенением, что наверняка нарушила весь свод дорожных правил в пятикратном размере. И только каким-то невероятным чудом не привела за собой на хвосте целое стадо полицейских машин с воющими от злости сиренами.

А виной всему стал ее шеф. Несносный старый солдафон с никчемным, атрофированным чувством юмора и извращенными понятиями о морали, совести, любви и прочих нормальных человеческих чувствах. А вдобавок ко всему он наверняка еще в детском садике забыл о таком понятии, как жалость. Иначе просто нельзя было объяснить ту жесткость, с которой он ни свет ни заря поведал своему агенту о немедленном завершении отпуска и вызвал на инструктаж. Впервые в своей жизни баловница судьбы, наездница фортуны и наипервейшая красавица всех контор и разведок решила взбунтоваться. И высказать в глаза шефу все, что о нем и об этой гребаной работе думает. С болью в сердце она оставила на своей огромной кровати милейшего, обаятельного, особенно в спящем виде, красавчика, с которым уже третьи сутки предавалась страстному и безумному блаженству, и с самым решительным настроением помчалась в офис своего непосредственного руководителя. А после разрешения войти прикрыла плотно за собой дверь и выплеснула из себя все накипевшее:

– Да что же это творится, уважаемый Пыл Пылыч?! Не ты ли мне неделю назад лично вручал отпускные на три месяца и торжественно клялся, что никто меня за это время не потревожит? Неужели в кои-то веки нельзя дать мне отдохнуть и расслабиться?! Один раз в жизни повезло встретить подходящего парня – и вместо устройства собственной жизни я должна подрабатывать сверхлимитно? Да имей совесть, мне ведь тоже хочется устроить личную жизнь...

И тут на нее обрушилось такое, что при всей своей беспредельной фантазии Александра и представить не могла. Шеф грохнул двумя кулаками по столу и заорал так, что его наверняка услышали в соседнем квартале:

– Да мне на...рать на твою личную жизнь!!! И на твоих «подходящих»...барей! Мы тут работать должны! А не фуйней в расслабке заниматься!!! И про отпуск твой драный забудь немедленно!!! И попробуй еще раз на меня свой рот открыть с претензиями и назвать Пыл Пылычем! Собственноручно язык вырву!!!

От несущегося на нее рева девушка непроизвольно грохнулась в кресло и с вытаращенными глазами рассматривала сидящего перед ней мужчину. За последние два года она многое от него повидала, частенько они даже переругивались, а порой и грызлись. Но чтобы так орать на свою подчиненную? Притом на одну из лучших. Это в голове не укладывалось. Да и Пыл Пылычем она его с первых дней называла без всяких обид в ответ. А сейчас не иначе как случилось что-то страшное. Или шеф уже находится в предсмертной горячке после укуса

особо крупной мухи цеце. Может, и змею у себя за пазухой он нечаянно придавил – вот она его и укусила... прямо в левый сосок. Поэтому лучший агент женского пола сразу включила свою соображаловку, оттолкнула взбесившуюся обиду в сторону и дала слово хитрой и осторожной лисичке:

– Павел Павлович, что случилось-то? Я ведь явилась как пуля, да и поворчать все мы любим спросонья. Но кричать-то зачем?

Она и словом не намекнула, что обиделась на такое лютое хамство. Наоборот, придала своему личику выражение детской наивности и непосредственности в смеси с испугом. Да еще и руки пред грудью сложила словно в молитве. А уж как трогательно и беззащитно посмотрела в глаза разошедшемуся грубияну, что даже такой монстр и ветеран психологических превращений поддался на это и тут же сделал вид, что чуть-чуть раскаивается в содеянной вспышке гнева:

– Ночь не спал... Да еще и всякие идиоты мне последние нервы рвут.

Он вовсе не относил сидящую перед ним красавицу к классу идиотов. Видимо, те его доставали и выводили из себя в течение последних суток. Уже один только факт, что шеф пытается сделать вид, будто оправдывается, мог заставить гордиться собой любого агента. Но – не Александру. Она тут же попыталась закрепить успех и мастерски выдавила из своих глаз две слезинки:

– Павлович, а ведь я к тебе как к родному отцу отношусь...

И вот тут она, скорее всего, переиграла. Чуть расслабившиеся черты лица ее начальника миг окаменели, и он уже более спокойным, но при этом совершенно сухим, деловым голосом спросил:

– Будь я в полном «бронике», куда бы ты стреляла?

– По локтям и коленным чашечкам, – последовал профессиональный ответ.

– Вот видишь, а говоришь «отец»... Зачем же тогда мучений мне желаешь? В глаз надо такого, как я, стрелять! Только в глаз! Иначе и сама быстро копыта отбросишь.

– Фу, как вульгарно, – томно выдохнула Александра, доставая белый платочек из внутреннего кармана курточки и жестом, отточенным многовековой женской печалью, прикладывая его к глазам.

– Хм! Зато голая правда, без всякой лжи и обманных слез. И перестань тут передо мной кривляться, без тебя тошно.

– Увы, я тоже не могу похвастаться, что сдерживаю позывы к рвоте с присущей мне легкостью, – не осталась в долгу красавица.

– Слушай, Шурка, да у тебя с детства рвотного рефлекса не было. Уж я-то знаю!

Когда он переходил на такое интимное обращение, значит, можно было считать его гнев успокоившимся. Поэтому Александра воскликнула с некоторым торжеством:

– Ага! Значит, все-таки, Пыл Пылыч, ты и в самом деле мне отцом доводишься, если про детство помнишь?

– Это я так, образно...

– Тогда переходим к делу. Раз уж отпуск кончился, наверняка это нечто экстраординарное – и благодаря моему вмешательству удастся спасти как минимум всю земную цивилизацию.

Шеф на такое наглое заявление, которое он, по логике, должен был сделать первым, ударился в препротивную молчанку – и только буравил сидящую перед ним женщину тяжелым, в сто раз худшим, чем рентген, взглядом. При этом он умудрялся не моргать. Да только Александру давно такие взгляды не шокировали. Девушка научилась так ловко перефокусировать свое зрение, что с любой стороны казалось, будто она смотрит только на собеседника. На самом деле она почти ничего не видела, цепляясь за точку в пространстве перед собой и пребывая, по своему желанию, в собственном воображаемом мирке. И только каким-то периферийным участком зрения следила при этом за окружающей обстановкой. Пожалуй, это было единствен-

ное, что могло вывести шефа из равновесия. Другие его подчиненные и минуты не выдерживали при таком противостоянии. А тут эта едва ли не нимфетка сидит и даже не вздрагивает. Тяжело вздохнув и прекращая игру в гляделки, Павел Павлович чмокнул губами и нехотя признался:

– Действительно, Шурка, есть в тебе некий дар предвидения или пророчества, есть... Недаром тебя хотели разобрать в одном институте на клеточки...

По внутренностям Александры прокатилась парализующая волна ужаса, но внешне она ничем себя не выдала. Даже рассмеялась нахально:

– Чего там разбирать! Такое же дерьмо, как и в каждом уродливом обитателе этого подленького мира. А вот мою доброту и преданность никакими клетками не описать.

– Это правильно, что ты не забываешь о моем к тебе участии и о том, что это именно я убедил их дать тебе относительную свободу. Здесь, у нас, от тебя гораздо больше пользы, чем на разделочной колоде.

При последнем сравнении перед внутренним взором девушки возникла-таки та самая окровавленная мясницкая колода, и она слегка вздрогнула, отчетливо представив под огромным топором свои отрубленные пальцы. Теперь проснувшуюся злость она скрывать не стала:

– Ну все, Пыл Пылыч! Ты меня достал! Говори, что надо, не гадь в душу!

Кажется, шеф достигнутым в разговоре эффектом остался доволен. Униженная, втоптанная в грязь и злая на свой же страх подчиненная ему нравилась гораздо больше, чем гордая, умная, своенравная и непокорная. Но по всему чувствовалось, что и ему от кого-то преизрядно досталось на орехи, притом совсем недавно. А то, что ему предстояло сейчас рассказать, не нравилось шефу еще больше. Будь его воля, он бы вообще отказался от дальнейшей разработки, несмотря на жуткие потери. Но выбора ему никто не давал, а действовать другими методами запретили «те самые идиоты». Придется рассказывать все. И начинать с самого печального:

– Пропала «третья» группа. Эксперты гарантируют их тотальную гибель.

На этот раз Александре удалось спрятать волну дрожи, прокатившуюся по внутренностям. Но слишком сухой тон все-таки выдал страх:

– Всех пятерых?

Шеф только кивнул, уставившись на свои ладони. Значит, сомнения не допускаются. Одна из самых опытных и сработанных команд, можно сказать, знаменитая команда, перестала существовать. Трое мужчин и две женщины, о которых в последние несколько лет шепотом рассказывали жуткие и неправдоподобные легенды, сгорели в пламени своего очередного задания. Причем, скорее всего, так оно и было – в самом буквальном смысле. Ведь бесследно избавиться от трупов можно было только при нескольких обстоятельствах: под пламенем дюз реактивного бомбардировщика, сбросив в конвертер с расплавленной сталью, или при «закрытом» взрыве огромной силы. В противном случае благодаря вживленным чипам даже расчлененное на части тело давало о себе знать в течение сорока восьми часов через непомерные дали и многометровые толщи железобетона. Если пять лучших воинов современности дали себя уничтожить одним из подобных способов, значит, произошло нечто экстраординарное, совершенно не укладывающееся в рамки сложившихся жизненных реалий. Не могли такие люди попасть в западню. Но если это все-таки случилось, то вполне понятно, кто и почему «рвал последние нервы» шефу в течение последних суток.

Девушка скомкала носовой платочек в руке и собралась было посочувствовать своему единственному начальнику, как вдруг замерла на полувздохе. Очень, ну очень неприятные мысли забегали у нее в черепушке. Вдобавок Павел Павлович совершенно незаметно перевел свой взгляд с гипнотически шевелящихся ладоней на подчиненную и теперь рассматривал ее сквозь узенькие щелочки век. Словно ждал: до какого логического предела дойдут рассуждения сидящей перед ним девушки. Кажется, она оправдала его ожидания – сникла, словно про-

дырявленная резиновая кукла. И скорее всего, дала себе мысленную клятву молчать до последнего.

Только вот в знании психологии она никак не могла тягаться со старым циничным монстром. Шеф с хрустом покрутил своей бычьей шеей, с сожалением почмокал губами и выдохнул:

– Молодец, сразу догадалась...

Александра подняла глаза, полные слез, на шефа:

– Пыл Пылыч, я ведь не справлюсь. Если уж «третья» не смогла, то куда мне рыпаться?

– А что тут такого, Шурка? Ты уже давно лучший наш агент и не раз этим даже передо мной хвасталась. Гонорары тебе выплачивали почти такие же, как всей той группе.

– Как не стыдно сравнивать? Мне только одну треть платили от их общего оклада.

– Вот-вот, они, помнится, тоже обижались...

– Так ведь у них была самая грязная работа!

– И я о том говорю! – Шеф многозначительно хлопнул ладонью по столу. – Действовали они порой слишком прямолинейно. А в этом деле нужна именно твоя хитрость и изворотливость.

– Уф! – Видно было, что девушка сразу воспряла духом. – Так значит, никого убивать не придется?

При определенном стечении обстоятельств или при особых результатах выполнения задания Александре приходилось и убивать тоже. Причем не раз. Но при этом она всегда считалась наиболее непригодным для подобных дел работником. Потому что при виде трупа или смертельных ран она попросту падала в обморок. Приходилось в каждом таком случае разрабатывать многоходовые комбинации для эвакуации самого ликвидатора. Поэтому чаще всего Александра подстраивала так, что жертва погибала после ее ухода. И делала все с таким артистизмом, фантазией и выдумкой, что смерть заказанного человека выглядела совершенно естественно: в это верили даже родственники и сторонники.

Но вот с самой исполнительницей проблемы оставались. Что только не делали в плане психологической подготовки, переобучения и гипнотического кодирования, но лишь только Александра видела труп – шок накрывал ее с головой и потеря сознания была гарантирована. Причем психоаналитики допускали даже возможность полного помешательства – в том случае, если бы Александра не была уверена в своей правоте и не работала на государство. А ведь контора выполняла деликатные заказы, в которых никак не могли быть задействованы официальные структуры.

Вспомнив об этой неприятной для любого агента особенности подчиненной, Павел Павлович мысленно скривился. На данном этапе устранение объекта отрицалось категорически, скорее уж следовало охранять объект от нелепой смерти, но... Но чего только не бывает. Планы у вышестоящих могут поменяться кардинально – и тогда придется...

Морочить себе голову будущими проблемами не стоило, а с сегодняшними разобраться следовало как можно скорей.

– Да, Шурка, и здесь ты угадала. Но радуешься зря: «третья» ведь все-таки пропала.

– Порой грубая сила не срабатывает, – нравоучительным тоном напомнила девушка, доставая из сумочки пачку шикарных дамских сигарет и вопросительно поглядывая на шефа.

Тот со вздохом подвинул пепельницу к краю стола, потому что сам уже год как не курил. Глядя на клубы дыма, проворчал:

– Когда ты бросишь этой гадостью травиться?

– А вот когда мне не придется больше под разных гадостных мужиков ложиться, тогда и брошу. – После такого откровенного ответа еще и уточнение последовало: – Так хоть этот мерзкий дым сволочной козлиный запах перебивает.

Шеф с недоумением приподнял брови:

– С чего это ты решила, что опять под мужиком работать придется?

– Любую женщину и «третья» бы обработала. Курт, Васька и Дана – это сразу три жено-ненавистника. Они никакой сучке доверять не станут...

Опять повисла пауза, которую Павел Павлович прервал продолжительным утверждением:

– Да-а-а... – Потом почмокал губами. – Слушай, красавица, может ты сразу отправишься выполнять задание без моих глупых инструктажей? Ведь и так все знаешь, а о чем догадаться не успела – выяснишь по дороге к цели. А? Я твоему предчувствию и предвидению не устаю поражаться: как ты это делаешь?

– Ничего сверхъестественного. Просто логически перевариваю поступающую от вас информацию. – Александра выпустила в потолок последнюю струю дыма и загасила окурочек. – Но с другой стороны, меня такой подход к делу устраивает. Вы даете наводящую фразу, я стараюсь разгадать ее смысл и порассуждать о возможных вариантах. Длительный путь познания – но зато спокойный и безопасный. Мне-то ведь, по сути, спешить некуда, а сверхурочные за работу во время отпуска мне уже идут. Так что... Я вас и дальше внимательно слушаю.

Вопрос оплаты такого дорогостоящего агента и сотрудника для шефа всегда был камнем преткновения. По его глубокому убеждению, любой патриот своей родины просто обязан был так работать за самую обычную зарплату, скажем, инженера. Ну ладно, пусть за три зарплаты! Да и сам он, по его же утверждениям, никогда не жадничал по финансовой части. Чем частенько любил похвастаться. Но вот те суммы, которые бухгалтерия безропотно выплачивала лучшим работникам, порой вызывали у него зубовный скрежет.

Однако сейчас он отнесся к этому разговору на удивление спокойно. Еще и покивал, соглашаясь:

– И тут ты права, денежки тебе уже капаят. Да только спешить в данной ситуации никак нельзя. Это раз. Ну а два: мне и самому хочется лишний раз все тщательно вспомнить и продумать. И по ходу ознакомления тебя с делом послушать все твои размышления. Еще лучше – догадки.

– Я что, знакома с объектом?

– Ни сном ни духом. Даже случайно не пересеклись. Никогда. Все проверили.

– Вот оно как?! – Девушка нервно достала вторую сигарету и на этот раз закурила, даже не спрашивая разрешения. – Значит, простым наркобароном или главой преступной группировки тут дело не ограничивается. Все гораздо страшней и... – она с каким-то остервенением затаилась, – и мерзостней.

Шеф самодовольно улыбнулся:

– И тут твои логические рассуждения идут в верном направлении, в сторону усложнения задания. Но ты будешь очень приятно удивлена, когда узнаешь о социальном статусе нашего объекта и полюбишься его внешностью.

– Хм! Неужели такой красавчик?

– Ну, не Ален Делон в лучшие годы своей молодости, но, по оценкам женщин, тянет на семь, а то и на семь с плюсом по десятибалльной шкале.

– О-о-о! – Александра томно закатила глазки. – Самый предпочтительный вариант для работы. Со всеми, кто ниже пятерки, без бутылки и пачки сигарет не переспишь, а те, кто выше восьмерки, – тоже скоты крайнего разлива. Их вообще достаточно только вспомнить, как руки сами тянутся за бутылкой и сигаретами.

– Вот видишь, как тебе повезло.

– А если он еще и президентом окажется... Ну, чего молчите?

Павел Павлович задумчиво поковырял в ухе мизинцем, затем достал пухлую папку из ящика стола и взгромоздил перед собой. Сложил на ней ладони и только потом стал рассуждать вслух:

– Президент?.. Да нет, однозначно не президент. Хотя и окончательно сказать что-либо о нем никто не имеет права. Даже наши великие аналитики. Официально он состоит на должности главы попечительского совета всемирно известного благотворительного фонда. Ну а неофициальный его статус уместается в одном простом слове: Торговец. С большой буквы. В то же время имеются самые веские основания утверждать, что это очень, очень-очень непростой торговец. И понять всю широту его характера и масштаб его силы, можно даже сказать, власти – мы до сих пор не в силах.

– Интригует, – призналась девушка, расправляя плечи. – Но чем же это можно торговать, чтобы до сих пор оставаться в такой густой тени? Наркотиками, рабами, человеческими органами? Или он продает любовные снадобья и привороты? Пожалуй, это было бы единственное, с чем бы не смогли справиться ребята из «третьей».

– Почему? – Шеф подался вперед.

Его подчиненная скривила свое личико в коротком раздумье:

– Потому что никто из них не верил в мистику или сверхъестественные явления. Все пятеро верили только в железную логику и суровую действительность.

– Опять я с тобой согласен. И опять ты сама напомнила о том, что веришь в эту самую мистику. Мало того, и вся ты – не что иное, как ходячий сгусток мистики и конгломерат сверхъестественных противоречий.

– Так уж прямо и вся! – Александра вновь потянулась за сигаретами. – Удалось несколько раз воспользоваться своим умением чувствовать опасность, да очень часто падаю в обморок при виде трупов. Вот и все странности. Зато как вы любите меня этим пугать, вот же стыдно за такой мелочный шантаж!

– Ладно, не будем ссориться, тем более что я тебя всегда ценил именно в качестве работника. Но вот про мистику ты правильный сделала вывод. Объект подходит под эту тему с руками и ногами.

– Значит, все-таки торгует любовными приворотами? Тоже не поверю, не наш это уровень. Там и участковый бы справился.

– Вряд ли. Особенно если учесть, что клиентами нашего объекта являются самые богатые люди планеты.

– Да... – согласилась девушка в некоторой задумчивости. – Те в сердечных снадобьях не нуждаются. Их и так любят.

– И ты бы любила? – не скрыл своего сарказма шеф.

– Очень! Это ведь так здорово – иметь все, что хочешь.

– А если бы он тебе надоел?

Александра и единой секунды не задумывалась:

– Подумаешь! Устроила бы ему чего-то-там-крушение – и всего делов: живи и наслаждайся полной свободой.

– Хм... неблагодарная ты.

– Ваше воспитание. Кто утверждал, что благодарность – путь к смерти через зависимость?

– Было такое, не отрицаю... Но вернемся к нашим баранам. Или, скорее, – к динозавру. Кстати, обращаются к нему только «Дин», а за глаза так и называют: Динозавром.

– Вы еще скажите, что настоящего имени не знаете...

– Только этого позора моей конторе и не хватало. Хотя за многочисленные паспорта наивысшего качества наш объект давно заработал пожизненное заключение.

– Так почему его до сих пор не... – Девушка сделала двумя ладошками жест, обозначающий удушение.

– Во-первых, потому, что не это его нарушение для нас важно. А во-вторых, все его подделки не раз проходили многочисленные экспертизы, и вердикт всегда оставался неизмен-

ным: подлинник. То есть Динозавр является легитимным гражданином сразу нескольких стран и нигде его гражданство не вызывает сомнения. Паспорта с разными именами выданы на правовой основе с апостильным подтверждением.

– Еще интересней! Получается, что инкриминировать ему можно лишь незаконное ношение чужих фамилий или множественное гражданство?

– Именно. По нашей же версии, этот Торговец – не кто иной, как Светозаров Дмитрий Петрович, русский, тридцати четырех лет от роду, уроженец польского города Лодзь. Хотя и тут прослеживается некоторая путаница, но ты с этим разберешься сама чуть позже. – Толстые пальцы побарабанили по пухлой папке. – Сейчас меня больше интересует твоя реакция на один небольшой фильм. Придвигайся к столу!

Пока подчиненная двигала кресло, Павел Павлович развернул монитор своего компьютера так, чтобы видно было им обоим. Затем с церемонным величием вставил хрупкий диск в дисковод и стал двигать мышкой. При этом он несколько отстраненно продолжал бормотать:

– Смотри внимательно... вряд ли что-то с ходу заметишь, но все-таки постарайся...

Александра облокотилась правой стороной тела на стол и уставилась на монитор. Сразу стало понятно, что качество изображения оставляет желать лучшего. Примерно такое получалось при использовании самых дорогих, но зато и самых миниатюрных видеокамер, предназначенных для шпионажа на приоритетном уровне. Все равно большинство деталей удалось рассмотреть отчетливо, даже с цветовыми оттенками. Сильно мешало только непонятное затемнение, коротко перекрывающее изображение каждые десять-пятнадцать секунд. Но в остальном наблюдательный человек мог почерпнуть для себя из фильма массу разнообразных впечатлений. А любитель экзотики и Средневековья – воистину огромное наслаждение.

По первому предположению это были съемки какого-то исторического фильма, а сам оператор находился среди зрителей. Перед трибунами простиралось турнирное поле для рыцарского боя, по другую сторону которого тоже располагались трибуны для простого народа. Их рассмотреть было трудно, да и камера на них не фокусировалась. А вот на соседях оператор сосредоточивался постоянно. Пестро, пышно разодетые в просторные тоги люди оживленно переговаривались на незнакомом языке, смеялись, переругивались или просто обменивались мнениями. Чаще всего присутствующие поначалу посматривали направо, где метров через двадцать располагалась королевская ложа. А судя по величию и блистательности оформления ложи, там восседала никак не меньше чем семья императора. Про императорские одежды и символы власти в виде короны и боевого серебристого трезубца можно было и не напоминать. Костюмеры и декораторы постарались на славу, все было выполнено безукоризненно.

Немного выпадала их общего плана личность императрицы. Вполне симпатичная женщина, сидящая по левую сторону от супруга, выглядела откровенно скучающей и недовольной. Хотя, скорее всего, так и предполагалось по сценарию. Еще чуть левее сидела обворожительная, совсем юная принцесса лет семнадцати, глядя на которую любой мужчина мог только печально и порывисто вздохнуть: такие прелестницы попадают только в самых лучших фильмах. Похоже, оператор тоже слишком увлекся красавицей, даже приближение сделал. Тем более удивительным показалось то, что принцесса несколько раз взглянула прямо в объектив, один раз при этом кокетливо улыбнувшись и один раз сделала еле заметный знак приветствия своими прозрачными пальчиками. Кажется, это удивило даже оператора. Потому что он резко покрутил камерой во все стороны и сфокусировал ее слева от себя, на ничем не примечательном в сравнении с другими зрителями мужчине. Но вопрос раздался на чистом русском языке:

– Так вы и вправду знакомы?

Мужчина ответил с чисто одесскими интонациями:

– Леонид Тарасович, или я вам когда-то врал?

– Да. – Тон оператора был грустным. – Пока поймать не удалось. А устроить ужин с этой неземной красотой вы можете?

– Не стоит что-то обещать на завтра, если еще и сегодняшнее до конца не исполнил. Всему свое время.

На этом разговор закончился, оператор приступил к дальнейшим съемкам. Еще раз осмотрел императорскую семью, на этот раз остановившись бегло на трех сыновьях императора, которые сидели справа от отца. Но если мальчишки – примерно десяти и тринадцати лет – вели себя довольно естественно и просто радовались предстоящему представлению, то старший принц, лет двадцати на вид, смотрелся как воплощение потомственного величия. Кажется, на эту роль подобрали самого талантливого, даже великого актера.

Заиграли фанфары – и начался непосредственно рыцарский турнир. Закованные в латы воины выезжали на ринг, приближались к императорской ложе и получали несколько слов напутствия и благословение опускающейся дланью. Потом следовал выход на позиции, сигнал трубы и разгоняющийся бег коней вдоль бревенчатого барьера. Нарастающий рев толпы и жуткое бряцание пробиваемых металлических нагрудников и шлемов, треск ломающихся копий, храп разъяренных лошадей и грохот страшных, невероятных по актерскому мастерству падений. Каскадеры действовали до невозможности красиво, кровь хлестала ручьями и чуть ли не в каждом поединке одного из соперников уносили.

Как ни странно, нигде больше не было видно ни одной камеры. Видимо, все съемки велись только самыми современными миниатюрными устройствами. Что ж, ведь у каждого режиссера свои методы.

Турнир еще не закончился, когда фильм оборвался в неожиданном месте.

– Объемы памяти не хватило, – пояснил Павел Павлович и выжидательно уставился на лучшего своего агента: – Итак, что тебя здесь удивило?

Та разочарованно отвела взгляд от экрана, поняв, что повторять фильм пока не станут. Закрыв глаза, она потрогала себя указательным пальчиком за кончик носа, пытаясь сконцентрироваться и вспомнить все свои ощущения при просмотре.

– Заметила две неправдоподобные детали... Первое – это их одежды. Никогда таких на Земле не было. Ни в Древнем Риме, ни тем более в средневековой Европе. Скорее всего, вообще нигде. Остается утверждать только одно: большинство этих тог выдумано именно для этого фильма. Уверена. Мне пришлось как-то раз изучить всю историю одежды...

– Знаю о том деле. И вывод твой правильный: не было таких одежд в нашей истории. Эксперты это подтвердили. Хотя ведь мы и историю не всю знаем... Ну а вторая деталь?

– Наверняка и вторая вам известна: некоторое различие в строении тел...

– Где ты такое заметила?! – воскликнул шеф, хватаясь за мышку. – И у кого?

Кажется, он был очень удивлен и обеспокоен. Но девушка не подала виду, зная высшее артистическое притворство этого солдафона.

– Не у мужчин, не переживайте. Те вроде совершенно идентичны земным. А вот женщины от нас отличаются. – Она еще и сама не была уверена в своих подозрениях, но, судя по полыхнувшим зрачкам шефа при слове «земным», удостоверилась, что она на верном пути в своих догадках. – Найдите тот кадр с принцессой. Вот, только чуть назад, где она в профиль. Стоп! Вот этот. Ничего странного не замечаете?

– М-м? Да нет вроде...

– Присмотритесь к ушной раковине. Видите лишний, нависающий сверху хрящик? У нас такого нет, и мне это сразу бросилось в глаза. Не могу оторваться от любования серьгами с бриллиантами и смотреть, как они сочетаются со строением уха.

Рука шефа уже тянулась к коммуникатору. Палец привычно надавил кнопку вызова аналитического отдела.

– Казик, твою мать, – вкрадчиво стал говорить Павел Павлович. – Фильмец перед тобой?

– Так точно, – раздался настороженный ответ главного эксперта и аналитика, которому недавно перевалило за шестьдесят, он считался в конторе работником с самым большим стажем.

– Тогда скажи мне, дорогой Казик Теодорович, куда твои глазки похотливые глядели, что ты уши у женщин не рассмотрел?

– Дык... ить... не понял я. Туда и смотрел... – В динамиках раздавалось нетерпеливое шелканье мышки. – Палыч, а что еще заметили? Серьги необыкновенные? Так они вроде не выпадают из ряда классификации...

– А лишний хрящик тебе не в жилу заметить было? А? Все на меня надеетесь?

Короткая пауза оборвалась ошарашенным восклицанием:

– Е-мое!

– Короче! Работайте! – оборвал Казика шеф и выключил связь. Затем с хорошим настроением поощрительно кивнул подчиненной: – Молодец! И тут от тебя польза оказалась. Если доживешь до сорока – обязательно возглавишь аналитический отдел.

– Хм! Больно надо! Да и вообще, столько живут только клоны.

– Ты так со мной не шути, а то я и обидеться могу.

– Пыл Пылыч! А вы разве не знали, что вы клон? – Александра раскрыла свои глазищи от совершенно искреннего удивления и получила в ответ очередное бормотание:

– Знал, знал... Но разве от тебя что-то скроешь? Ладно, раз больше ничего не заметила, то смотри дальше и слушай мои комментарии. Здесь наши эксперты не подвели, накопили целый воз всяких странных деталей и еще полную тележку несоответствий. Но в основном это касается оружия и доспехов, так что твоя некомпетентность в этом вопросе вполне понятна. Мне самому эти детали ничего не говорили, а ведь я и на рапирах, и на мечах сражаться могу.

– Ой! Я и не знала! Теперь уж точно к вам со своей саблей прийти не решусь.

– Какая еще сабля? – недовольно скривился шеф, но, догадавшись, что девушка продолжает шутить, перешел на строгий тон: – Смотри внимательно! Начнем, допустим, с голени. Здесь на металлической защите торчит острый шип, в истории нашего рыцарства никогда не применяемый и кажущийся вообще неуместным элементом. Хотя аналитики доказали, что в кавалерийском сражении удар ногой по морде лошади очень эффектно поражает животное, выводя его из строя. Шип попадает чаще всего в нос лошади, и та от боли сразу падает на колени. Теперь взгляни на другие различия...

Действительно, отличительных деталей оказалось невероятное множество. А напоследок Павел Павлович продемонстрировал отдельный фильм, в котором эксперты по собранным кадрам доказали, что три рыцаря в турнире погибли бесповоротно и однозначно. Что уже само по себе отрицало сам факт какого-нибудь театрального представления или постановочной киносъемки. То есть заснятое действие было самым натуральным смертоубийством.

Когда Александра это осознала, ее стало нагонять предобморочное состояние. Да настолько, что шефу пришлось на нее прикрикнуть:

– Возьми себя в руки! Это ведь только документальные кадры! Из жизни другой реальности. И ты свои ручки к их гибели не прилагала. На-ка, попей!

– Значит, все-таки не Земля... – с восторгом прошептала Александра, когда попила воды и немного успокоилась. – Неужели инопланетяне пошли с нами на контакт?

– Ага! Щас! Так они тебе и пойдут, спешат, аж спотыкаются! Скорее это наш человек в чужие пространства забирается без спросу. Как у нас, так и у той стороны...

– Хотите сказать, что этот парень или сам оттуда, или дорожки туда знает?

– Вот именно, поэтому мы и должны вывести этого Торговца на чистую воду. Да сделать это так, чтобы он не исчез, а согласился с нами сотрудничать до конца. Теперь ты понимаешь, что, кроме тебя, с этим делом никто не справится.

Девушка хмыкнула с присущей только ей самоуверенностью:

– Дело не в том, конечно справлюсь. А дело в той самой мистике. Вы знаете, Пыл Пылыч, что мне как-то жутко, ураган какой-то на душе. Скорей даже радостно, что ли... Просто не верится, что мне повезло участвовать в этом деле. Настоящая романтика...

– Вспомни об участии «третьей» и вернись на грешную Землю! – Суровый голос шефа вернул в действительность не хуже холодного душа. – Малейшая твоя ошибка – и от твоей романтики даже вживленных чипов не останется.

– М-да, действительно. Что-то я непозволительно воспарила в высокие сферы. Мне более важно узнать, почему «сгорела» «третья» группа. Хотя бы – при каких обстоятельствах это произошло?

– Полностью таинственное дело. Последний раз все пятеро сосредоточились на соседней с объектом улице в арендованном особняке. Но после сильной грозы связь с ними прервалась. Через несколько часов проверили дом – а там полная пустошь и ни единого следа насилия, сопротивления или капельки крови. Словно испарились.

– Вы пробовали в дом объекта подложить камеры или хотя бы жучки?

– Пробовали, безрезультатно.

– Логично. Значит, скорее всего, и всю нашу легендарную пятерку агентов он засек по многочисленным чипам в их телах. Согласны?

– Очень даже может быть...

– Следовательно, придется и из моего тела удалить все четыре маячка. Насколько я знаю, это займет около часа. Правильно?

Вот тут Павел Павлович замер. Для любого агента вживленный чип – не только последний шанс на спасение или своевременную помощь от своих, но и «вечный поводок», благодаря которому лучшим агентам не стоило и думать о возможности сбежать и залечь на дно. Начальство отыщет хоть на дне Марианской впадины. Но в данном случае, видимо, интересы дела были гораздо выше «поводковых» рассуждений, и монстр спецслужб постарался, чтобы его молчание не выглядело слишком продолжительным:

– Конечно, правильно.

Александра тоже понимала, что из конторы она никуда не денется, но как приятно было осознавать, что хоть на короткое время операции она избавится от постоянной слежки за своей тушкой. А если она правильно оценила угрозу всего этого дела и окончательная «большая зачистка» все-таки состоится, то, может быть, как раз и подвернется удачный момент, чтобы вовремя спрыгнуть с этого товарняка, летящего под откос.

Радость своей маленькой победы она спрятала за деловой озабоченностью:

– Давайте перейдем к личности объекта. Почему его называют Торговцем? Да еще и с большой буквы.

– Только по одной причине: он торгует любыми, даже самыми нереальными представлениями и удовольствиями. И, по мнению наших долбанных аналитиков, объект делает для этого окна в один, а то и несколько параллельных миров. И уже так показывает требуемое действие или уникальный пейзаж самым состоятельным людям нашей планеты.

– И те об этом молчат?

– Как рыбы. Разве только советуют своим коллегам по клубу миллионеров обращаться, когда тянет развлечься, к Динозавру.

– Но ведь вы его все-таки вычислили, – напомнила девушка. – Значит, и миллионеры бывают болтливыми.

– Естественно, они тоже люди. Да только подобная болтливость вылезет таким боком, что даже сильные мира сего крепко держат язык за зубами. Начну с самого начала. Пару лет назад один известный швейцарский герцог растрезвонил о тех нескольких чудесах, которые ему довелось увидеть при содействии Торговца. И тут же оказался психически невменяемым. Что, вообще-то, при таких бреднях – вполне естественное дело. Да только ты ведь знаешь:

в наше время и маразматические высказывания буйнопомешанных тщательно проверяются. Поэтому Интерпол провел тщательное расследование – и быстро раскрыл всю подноготную. Динозавр ангажировал, как правило, сразу несколько трупп, как актеров, так и любителей древности. И еще тех, кого называют «толкнутые». С их помощью он разрабатывал невероятное количество спектаклей, один из которых ты только что видела. При этом он тратил практически все доставшиеся ему при оплате деньги. А что в этом предосудительного? Вот и Интерпол посмеялся над глупыми миллионерами и забросил это дело. Правда, материальчик мы к себе в базу данных ввели, не поленились. И только благодаря этому обратили внимание еще на двоих толстосумов, скандально расставшихся с жизнью.

– Там тоже прослеживалась рука Торговца?

– Как ни странно, его там в момент их смерти и близко не было. Но вот некоторые слухи в той среде все-таки расползлись, и вещали они о том, что каждый из двух покойничков накануне своей смерти готовился выдать миру некое сенсационное сообщение. То есть они сумели сопоставить свои наблюдения и догадаться об истинности увиденных представлений. Да только не успели донести до всего мира благую весть... И материалов у них никаких не осталось. Только наши догадки.

– Зато теперь, после такого фильма, вы наверняка и свидетеля имеете?

– Увы... – Павел Павлович вздохнул так тяжело, словно сам через минуту собрался в гроб ложиться. – Не уберегли... Уважаемый Леонид Тарасович так и пропал со своим самолетом где-то над Крымом. Несколько обломков нашли в морском прибое возле поселка Веселое.

– Оп-па! Неужели это о Кадагове речь? – Гибель известного миллионера не так давно прогремела множеством скандальных статей и заметок по всем средствам массовой информации.

– Он самый. Эту запись Кадагов успел передать нам только в самый последний момент, с борта самолета.

– Продал?

– Конечно! И за такие деньги, что плакать хочется. Но зато фильм того стоит.

– Но как этому, покойному уже, миллионеру удалось сделать съемки?

– Он-то и поведал в кратком рассказе нашему представителю, что Динозавр перед спектаклем производит самый тщательный обыск клиента, вплоть до рентгена и смены одежды. Ну а наш дошлый Леня имел на своем теле одну великую тайну: искусственный глаз из разработок самого последнего поколения. Он и смачивается, и блестит, и зрачком расширяющимся с другим зрачком синхронно поворачивает. В общем, никак не отличишь от живого. Вдобавок еще и веко обладало экранирующими способностями, не позволившими засечь видеокамеру в глазу. Вот так и получился этот фильм.

Александра немного подумала и выдала самое для всех желанное развитие событий:

– Лучше бы Кадагов не турнир снимал, а сам момент перехода в другой мир.

– На эту тему Леонид Тарасович тоже дал пояснение. Перехода как такового он и не заметил. Долго ехали в лимузине, потом по бокам начались сплошные заросли высоких кустов, из которых и въехали в подземные помещения какого-то амфитеатра. Причем дело, скорее всего, происходило в родном городе миллионера, знакомом ему с детства. Когда они по узким ступеням поднялись наверх, то сразу оказались на трибуне. Уходили в обратном порядке. Но и тогда перехода нигде заметно не было, хотя присматривался Кадагов более внимательно. С его хваткой он сразу заподозрил неладное. Дома внимательно просмотрел пленку, а когда Динозавр отказался организовать миллионеру встречу с принцессой, решил его в отместку кинуть. Вышел на нас...

– Отказался – ничем не аргументируя?

– Причину назвал: категорический отказ самой принцессы. И не согласился даже после того, как миллионер утроил сумму гонорара.

– Еще бы! – скривилась девушка от непонятной антипатии. – Вряд ли такая... фифа нуждается в средствах.

– Вот и все так подумали. Но операцию стали разрабатывать сразу. А «третью» послали в окружение Торговца – внедряться по ходу дела, так сказать, по собственному наитию. Пропали все пятеро одновременно – из снятого неподалеку домика, когда сам объект находился в соседнем государстве. То есть наверняка вокруг него действует неизвестное нам количество помощников. Не отвергается и такая возможность: эти невидимые помощники действуют из параллельных миров. Если это так, то и секрет нашей конторы может быть раскрыт в любую минуту. Что будет в этом случае, остается только догадываться. Но не исключая, что в таком случае эти, – палец шефа уперся в потолок, – предпримут самые решительные меры для устранения объекта.

Александра умело сдержала готовый вырваться вопрос: «А нас?» – потому что до такой степени свою логическую эрудицию раскрывать не стоило даже перед всезнающим шефом. Вместо этого она состроила испуганное личико и с хорошо прослушиваемым уважением спросила:

– А сколько вообще этих знает об операции?

– Двое, – не стал скрывать Павел Павлович, но сразу, словно сомневаясь, пожал плечами: – Хочу надеяться. Но нам от этого не легче, мы должны свое дело сделать без всяких скидок на сложность.

– А кто мне будет помогать? Неужели никого не удалось внедрить в окружение Торговца?

– Рано мечтать об удачном внедрении. Такие дела, сама знаешь, быстро не делаются. Тут годы нужны, а не жалкая пара месяцев. Но один вокруг него уже крутится. Стараемся делать так, чтобы это Динозавр на него все время натыкался, организовываем такие «случайности» сплошь и рядом. А наш человек делает вид, что сторонится объекта, не доверяет, даже нагрубил один раз: дескать, все к его деньгам тянутся.

– Понятно. Приходится нашему казачку засланному миллионером притворяться. Да еще и жадным. Неплохо! Я его знаю?

– Даже слишком. Каралюх Бориска.

Девушка скривилась:

– Фу! Лучше бы и не знала. Хотя именно такой глист везде и пролезет. Но чем он собрался привлечь объект?

– Да тем, что Торговец слишком падок на красивых женщин. Правда, в постоянные связи не втягивается, сразу их рвет. Очень редко какая фифочка у него задерживается дольше чем на неделю. Однако ни одну смазливую мордашку и длинные ножки он не пропускает. Чаше всего «приговаривает» их чуть ли не на месте знакомства – и тут же про них забывает. Бориску мы решили тоже окунуть в разврат, и он приводит в купленный рядом дом таких шикарных девочек, что даже Динозавр на это клюнул и уже два раза подкалывал соседа на предмет «поделиться». Наш Каралюх пока «держит стойку», выказывая вполне обоснованные для такого короткого знакомства подозрения. Но как только Торговец возвращается на свою виллу, то до него обязательно доносится шум очередной развеселой оргии.

– Однако. – Александра не могла сдержать своей ехидной улыбки. – Вот уж повезло Борюсику. Как говорится, пусти козла в огород, так он всю кассу растратит!

– Ох! И не напоминай лучше, – жалобно застонал шеф. – Меня всего лихорадит, когда я финансовые отчеты наверх отправляю. Уже созрело твердое убеждение кастрировать этого гада за государственный счет, после того как все кончится благополучно. Ты себе не представляешь – и кого он только в свою постель не тянет.

– Кого?

– Да всех! Никогда не думал, что знаменитые и прославленные модели, артистки и величественные красавицы согласятся лечь с таким ничтожеством.

– Деньги решают все! – категорически обрubiла девушка словоизлияния своего шефа. Тот ехидно цокнул языком:

– Надеюсь, тебе не придется так тратиться?

– Еще бы! Даже наоборот: я буду стараться сделать свою работу с мизерными растратами.

– Ну, это понятно, достаточно тебе покрутить своей мордашкой поблизости от Динозавра, а потом как можно быстрее упасть на спину...

– Хм! Такой вариант для меня совсем не отдает пошлостью, и я была бы на седьмом небе от счастья, если бы он оказался действенным. Но, кажется, он здесь не проходит. Вряд ли он поведется на очередную самочку, да еще потом продолжит с ней знакомство до нужной нам стадии. Здесь нужно нечто сверхинтеллектуальное.

– Ну, Шурка, тебе видней, – согласился шеф с фривольным оскалом. – На то ты у нас и самой большой выдумщицей считаешься. И наверняка уже придумала подходящую легенду.

– Как? С чего? Только зная о том, что он бабник и редкостный ходок? Ха! – Александра от всей души удивлялась истинно мужскому скудоумию. Тут же ей пришел на ум один пример, который она уже неоднократно прокрутила в своей пространственной памяти: – Вот вам не кажется, что в этом фильме прослеживается явная попытка прибрать нашего Торговца под каблучок? Вспомните, как вела себя юная принцесса, и подумайте: разве стала бы такая девушка бросать томные взгляды Кадагову?

– Вряд ли...

– Бесспорно и другое: когда наш объект отказал этой девице в очередной близости, она – явно в отместку – отказалась от ужина в компании с обрюзглым миллионером. И о чем это говорит?

Лоб шефа покрылся глубокими складками, символизируя усиленную умственную деятельность.

– О чем?

– Что даже такая неповторимая, сказочно богатая и, скорее всего, умопомрачительная, с точки зрения любого мужчины, красотка не смогла удержать возле себя пресловутого... как там его... ага, Светозарова Дмитрия Петровича.

– Да нет, Шурка, здесь ты перемудрила! – засмеялся Павел Павлович. – Надо же до такого додуматься! Как только и мысль такая в голову пришла.

– Как? Давайте еще раз начало фильма просмотрим. Только теперь я буду кадры выбирать. – Мышка быстро переключалась в женскую ручку. – Итак, вот здесь, присмотритесь, принцесса словно отчужденно смотрит в сторону оператора, а сама надеется, причем очень сильно надеется, поймать чей-то взгляд. Даже дыхание на вдохе затаила. Нам повезло, что Динозавр сидит рядом с Кадаговым и нам отчетливо заметно направление взгляда. Вот он вспыхнул и стал жарко-горячим, томным, призывным. Такие посылаются только страстно желаемому любовнику. Уж поверьте мне!

– Да я и не спорю...

– Потом Динозавр отвернулся, видимо, и мы просматриваем во взгляде принцессы жуткую досаду и разочарование. Лицом владеть она умеет не в пример хуже, чем телом. Несколько улыбок по сторонам, ничего не значащих жестов остальным поклонникам – и вновь напряженное ожидание. И вот самый ответственный момент! Она решается на еле заметный, но хорошо понятный любовнику знак. Скорее всего, он расшифровывается не как приветствие, зачем им здороваться, если они наверняка уже виделись, пусть даже издалека. Нет, он означает: «Приди!» Присмотритесь, пальчики не в сторону качнулись, а больше к ее личику. Взгляд при этом превращается из выжидающего в гневный, скорее всего, по той причине, что ответного взмаха ресниц или еще чего-то не последовало. Динозавр сделал вид, что не заметил призыва, и равнодушно отвернулся. Что и подтверждает перевод камеры на него и совершенно спокойный диалог со стороны Торговца. На этом кадре он выглядит как котяра, обожравшийся

отборной сметаной: лицо выражает лень и досаду от предстоящего скучного разговора. Возможно, он даже предвидит скандал с надоевшей любовницей. Но нисколько его не боится. Так что просто, без затей, соблазнить такого циника и ловеласа – почти невозможно. Тут ни моя красота, ни ножки от коренных зубов не проканают.

Кажется, шеф увидел рациональное зерно в утверждениях Александры и полностью с ней согласился. Но после этого чуть не выломал себе челюсть, выкручивая собственный подбородок в произвольном мычании:

– И этот драный Каралюх такие деньги на ветер выбрасывает!

– Не скажите! У Бориски совсем другая задача, – вынуждена была вступить за коллегу девушка. – Ему главное – завести приятельские отношения с соседом, и выбранный метод действительно может оказаться действенным. Но для меня такое не подойдет, пусть я даже сумею менять собственное тело до немыслимых по красоте стандартов, а в моем поместье будет не протолкнуться от хахалей.

– Хорошо, я тебе уже говорил: готов выслушать любое твоё предложение. И более того, мне ничего не останется делать, как сразу на него соглашаться.

– Да я в последнем и не сомневалась, – без нотки самодовольства или хвастливости произнесла Александра. Потом указала глазами на папку: – Но мне для начала хотелось бы послушать его биографию. Именно послушать, с теми акцентами, которые расставите вы. Почитаете? Самое основное, конечно.

Павел Павлович согласно кивнул, раскрыл папку и стал бегло читать документ за документом, порой кладя перед подчиненной некоторые листики с прикрепленными к ним фотографиями. Наверняка все это было и в памяти компьютера, но многоопытный руководитель по себе знал, как порой важно бывает послушать информацию вот так, собственными ушами, и полностью одобрял такой метод.

Данные лились ручейком, лишь изредка перебиваемые наводящими или уточняющими вопросами Александры. Сведения о родителях, чье детство пришлось на военное лихолетье. Советская военная база под Лодзью, где и родился маленький Дима – в семье военного. Детский сад в гарнизоне, школа, ничем не примечательные юношеские годы. Потом пришла трагедия: при невыясненных, весьма странных обстоятельствах пропали родители Светозарова, которому на то время исполнилось четырнадцать лет. Пропали бесследно, вместе с тринадцатилетней сестренкой. Подозревали банальное бандитское ограбление с последующим устранением трупов, хотя в то время в рабочем польском городе Лодзь о таких страхах и не слыхивали. Да и что можно было отобрать у ничем не приметного офицера и его близких во время прогулки по городскому парку?

После этого события жизнь Димы Светозарова в дружественной Польше завершилась, его забрали к себе родители отца, проживавшие в Бресте. Там он окончил школу, поступил в институт, ограничивая свою карьеру рамками профессии «инженер-электронщик». А вот дальше началось самое странное в его жизни. Вернее, не столько странное, сколько совершенно непонятное для силовых структур. То, что называется «темное прошлое». Правда, девяностые годы и отличались полной анархией и разгулом безответственности, но все же отсутствие любого упоминания про Светозарова Дмитрия Петровича настораживало. Словно кто-то всемогущий и вездесущий тщательно уничтожил все следы деятельности и даже существования вышеупомянутого человека. Нет, конечно же, он кое-где мелькал: секции карате, посещение общества тибетских монахов, визиты в театры, времяпрепровождение на катке и лыжных прогулках... Но все это – ничего не стоящие, малоприметные мелочи. Гораздо более удивительным выглядел такой факт: бюрократические препоны для Динозавра не существовали. Паспорта ему выдавались без всяких очередей, визы на въезд в любое государство ставились быстро и без проволочек. Именно это и настораживало больше всего. Ведь Светозарова никто не прикрывал, он не был президентским сыном, он не руководил мафиозным кланом, но все у него

ладилось – легко и беззаботно. Он разъезжал по другим странам, знакомился с самыми знаменитыми и влиятельными людьми, отдыхал в обществе самых неприступных для прессы толстосумов, артистов и политиков. Причем в любую компанию он входил по-свойски, а о его друзьях, приятелях и просто знакомых вскоре стали складывать легенды. Некоторое время за ним присматривали спецслужбы то одной, то другой державы, но инкриминировать ему мошенничество или доказать, что он аферист – не смогли, каждый раз выдавая в резюме одну, по сути, фразу: безобидный прожигатель жизни, паразитирующий на щедрости своих многочисленных друзей. Разве что Интерпол, после расследования дела с герцогом Штаусе, добавил в характеристику новый оттенок: «Имеет замечательные организаторские способности продюсера, а также талант режиссера и сценариста. Весьма многогранная, творческая личность».

И все. В остальном – полная тишина. Даже когда за него всерьез взялись в последние месяцы – так и не смогли накопать хоть какой-нибудь стоящий компромат. Разве что незаконное многочисленное гражданство. Но тут, как и в случае многоженства Остапа Бендера, доказать что-либо было весьма проблематично. Да и вспугнуть объект было бы большой ошибкой. В данный момент он проживал на постоянной основе в Германии, частенько появлялся по всей Западной Европе да время от времени наведывался в Польшу. Компании предпочитал самые интернациональные, потому что владел в совершенстве десятью европейскими языками и вдобавок мог изъясняться на китайском, как прирожденный азиат. Правда, в самом Китае замечен ни разу не был. Но в свете последних открытий слежка теряла всякий смысл. Прошло целых два месяца с тех пор, как за Динозавром установили наблюдение со всех возможных носителей: от стационарных уличных видеокамер до камер наивысшего разрешения, установленных на космических спутниках. Информация обрабатывалась в самом современном вычислительном центре и шла непосредственно к Павлу Павловичу. Но пока ничего важного не заметили. Скорее всего, объект заметил слежку и наглухо затаился. Если бы не фильм, переданный перед гибелью миллионером Кадаговым, операцию, которая стоила баснословных денег, давно бы прикрыли. А так – выделили неограниченный кредит.

Когда Александра завершила ознакомление со всеми деталями своего задания, она, в который раз за день, подавила непроизвольную дрожь. Это какие же надо иметь полномочия, чтобы выделить невероятные, не укладывающиеся в рамки здравого смысла средства! Те самые загадочные «двое», о которых намекнул Павел Павлович, – однозначно, высокие фигуры. Ну и ей тут же пришла в голову вполне логичная мысль-продолжение:

«Если вообще не самые высшие! Да за такие деньжищи всю контору могут подчистить в случае неудачи. поголовно! Хм... А ведь в случае удачи тоже могут подчистить. Причем как раз в случае удачи, скорей всего, убьют всех, однозначно... Мама! Мне страшно! Где ты?! Чтoб тебя удавили на том свете, сучку бешеную!»

Как всегда, воспоминания о матери-наркоманке, попавшей под поезд, когда Александра заканчивала учебу в школе, придали нужную злость и подняли боевое настроение. Девушка резко вышла из задумчивости и озорно подморгнула замершему в настороженной позе шефу:

– Ну что, Пыл Пылыч, имеется у меня одна идеяка...

А про себя подумала: «Наверняка тоже про «зачистку» догадывается. Не может такой зубр спецслужб оставаться наивным патриотом. Поэтому и замялся, когда я предложила из меня все чипы вынуть. Вот только интересно бы узнать, что он предпринял на такой случай? Подобный тип всегда себе несколько запасных лазеек оставит. Если вдруг он исчезнет – это и для меня будет сигналом: забуриться на дно самого глубокого болота и прикинуться ветошью лет на десять. Да, так, наверное, и сделаю...»

Старый солдафон поощрительно улыбнулся:

– Есть идеяка? Могу утвердить и без прослушивания. Но все-таки уважь старика.

– Как не уважить! Вы помните, что почти везде у него стоит вот эта фотография: мать, сидящая на парковой скамейке, облокотившийся рядом на спинку отец, а между ними –

радостно улыбающаяся сестричка Леночка. Мне кажется, через эту его ностальгическую грусть по ближайшим родственникам мы к нему и подберемся.

– Каким образом?

– Присмотритесь, я похожа на его сестричку?

– Кхе-кхе! Да не очень... Если честно, ты в сто раз краше.

– Вот и хорошо. Гораздо хуже, если бы до ее уровня пришлось подниматься. Ну и представьте меня гораздо проще, точно с такими же глупыми косичками. Свитерок тоже вообразите – такого же устаревшего покроя.

– Но ты здорово недотягиваешь до тридцати трех лет! А его сестре сейчас бы исполнилось именно столько. Да и тринадцать тебе никак не дашь.

– Не важно, здесь актуальнее всего первый взгляд, душевный позыв и мистический дух оживших воспоминаний.

– Ох! Думаешь, сработает? Уверена? – затаил дыхание Павел Павлович.

– Вы ведь не были уверены в «третьей»? Так и я не могу быть уверена даже в себе. Но в данный момент это единственное верное направление. Остается только подобраться как можно ближе к объекту и сыграть свою роль наверняка.

Глава 2

Свита делает короля

Дело было три года назад.

Только что взошедший на престол Бонзай Пятый на тот исторический период являл собой пример неисправимого пессимиста. Потому что лучше всех был информирован о нависших над ним лично и над его королевством опасностях. До двадцати лет он посвящал себя только науке, литературе и древней истории. И практически все время своего взросления пропадавал только в лабораториях и библиотеках. Выработывал в себе истинно прагматический, точно выверенный взгляд на жизнь и к любому вопросу подходил, так сказать, с линейкой и весами.

Конечно, в «большой жизни» он тоже регулярно появлялся. И бражничал порой знатно с несколькими близкими друзьями, и на охоту выезжал, и за девицами время от времени ухлестывал... Но даже внешне он сильно отличался от отца и старшего брата. Сплошь увитые буграми мышц, те выглядели как две скалы и прекрасно справлялись с управлением государством. Никто и никогда не сомневался в престолонаследовании: старший сын правящего короля готов был до собственной старости поддерживать и развивать все начинания своего отца. Пока не случилось явно подстроенное врагами несчастье – и совершенно неожиданно для всех корону пришлось надеть младшему сыну. Ученому сухарю, как поговаривали, дотошному прагматику и расчетливому математику.

Зато теперь реальный взгляд на окружающий мир позволял ему чуть ли не с точностью до нескольких дней предсказать собственную смерть. Разве что в каждом из трех вариантов смерть попадала на разные сроки – со сдвигом в неделю. Поневоле пришлось задуматься, когда надел на свою кудрявую голову корону, уселся на троне и принялся с опаской осматриваться по сторонам. Неожиданная смерть отца и старшего брата выдернула его из мира науки, литературы и древней истории, где Бонзай чувствовал себя как рыба в воде, и заставила подхватить рухнувший в кровь скипетр королевской власти. Причем не составило большого труда осознать сразу при коронации, что дни его маленького королевства сочтены. Потому что никто из потенциальных союзников на коронацию не прибыл. Слишком давно охладели к маленькому королевству более дальние соседи, не имеющие с ними даже кусочка общей границы.

С севера, по широко разлившимся после первых летних гроз рекам, со дня на день ожидалось наступление «ледовых берсерков». Именно так называли себя бородатые дикие викинги, живущие на северном побережье континента за высокими заснеженными горами. Северяне, объявившие еще осенью прошлого года священную войну за случайное убийство своего принца, никогда этой войны не отменяли. К слову сказать, принц сам был виноват: натворил дел перед собственной смертью. Всю Вельгу, столицу королевства Ягонов, на уши поставил своими скандалами и пьяными оргиями. Вполне естественно, что нашелся опытный воин, который вызвал озверевшего викинга на дуэль и заколол того как дикого вепря. Все было должным образом засвидетельствовано и запротокколировано, показания очевидцев вместе с телом отправили на родину «героя». Но разве дикари знают, что такое понятие чести? Вот они и объявили войну, пообещав ворваться в королевство «на большой воде». Так что до момента падения практически беззащитной столицы оставалось не более двух недель. О том, чтобы серьезно сопротивляться нашествию варваров малочисленным гарнизоном, никто и не помышлял. Само собой, казнь правящего короля ледовые берсерки предвкушали с особым удовольствием.

Не меньшая опасность угрожала Бонзаю Пятому и с запада. Именно там правил более крупным королевством двоюродный брат отца, который ненавидел своих родственников пуще

всего на свете. Не суть важно, из-за чего раздор начался, но именно дядя и довел недавно дело до гибели отца и брата. А вслед за этим прислал послание голубиной почтой: «Беги, щенок, освобождай мой трон! Иначе посажу на кол!» Срок дальнего похода для вымуштрованного западного войска составлял всего три недели. Так что если не варвары казнят молодого короля себе на потеху, то уж гнусный садист и скотоложец дядя не откажет себе в удовольствии посадить горячо ненавидимого племянника на кол.

Казалось бы, чего медлить? Спасай свое тело да уходи огородами в дали неведомые. Ан не тут-то было. С юга и востока над крохотным королевством нависала Визенская империя. И не далее как накануне коронации пришло письмо от самого императора Константина Сигизмундовича Бареки. Сухим официальным тоном предлагалось немедленно отречься от трона, а всю власть передать в руки пребывавшей до этого в глубоком подполье Визенской церкви. На такое Бонзай пойти не мог даже ради спасения собственной жизни. Слишком уж хорошо помнил он наказания отца и рано ушедшей из жизни матери не допускать эту нечеловеческую религию на родные просторы. Тут тоже альтернативы не было. Император угрожал в случае несогласия с ультиматумом прислать свое войско и стереть небольшую столицу с лица земли. Дабы не было пути назад, Бонзай сразу же приказал казнить послов империи, которые обнаглели до того, что стали взывать на площадях к неповиновению да выступать по тихим углам с проповедями неподчинения молодому королю. Подобный приказ народ выполнил с небывалой прытью и энтузиазмом. Слишком уж много леденящих кровь рассказов ходило про Визенскую церковь, которая использовала в своих обрядах мерзкие жертвоприношения в виде разрезаемых на алтарях младенцев и женщин. Выходит, подданные решительно поддержали своего молодого правителя. Мало того, только что коронованному монарху люди выразили признательность, доверие в виде многочисленных подарков и традиционных символов. А о том, что враг скоро нагрянет, никто и не подумал. Хотя новости разошлись по столице не хуже свежего летнего ветра.

Оставалось только поражаться бесшабашности подданных. Так же себя повел на следующий день после казни послов Бонзай Пятый с двумя своими ближайшими друзьями. Они уселись в огромной пиршественной зале и решили залить свои беды чрезмерной выпивкой.

– Все равно сегодня ничего путного не придумаем! – восклицал один из друзей, наливая своему венценосному приятелю полный кубок крепленого вина. – Так давай просто отпразднуем в узком кругу твою коронацию. Две недели нам для этого вполне хватит. Пей!

И они пили. Очень много пили. Потом вышли в народ. И там продолжили пить с каждым встречным и поперечным. Такое братание с подданными понравилось всем: и самому народу, и его правителю. Настала ночь, и гулянка распространилась на всю столицу. Благо выпивки и желающих хватало. Обычная ночь превратилась во всенародные гуляния. Потом разжигали костры и прыгали через них. Потом танцевали под крепостными стенами при свете факелов и огромных костров. И все это время не прекращали пить. Последнее, что смутно помнил Бонзай Пятый, это грубый толчок женской руки ему в грудь да произнесенные с пьяным иканием слова:

– Да иди ты... извращенец!

Ну, он и пошел, заливаясь слезами от обиды, что никакая женщина его не хочет и вообще он самый паршивый король на всем континенте. Навстречу ему попался вусмерть пьяный мужик, несущий на плечах бурдюк, полный вина, и тот чуть ли не насильно стал требовать указать на виновника, который посмел обидеть такого славного парня. Король изначально обрадовался, решил, что сейчас ту самую девицу разыщут и накажут, и стал с заиканием и мычанием жаловаться. Но когда незнакомец узнал, что все дело в женщине, искать ее не стал, только что сплюнул куда-то в сторону. А потом решительно заявил:

– Все бабы... нехорошие! И связываться с ними – себе дороже! Давай лучше выпьем! Смотри, как удобно, и стаканов не надо.

Кто такие «стаканы», Бонзай не понял, зато, сосредоточив глаза на мужике, увидел, как тот ловко подхватил горловину бурдюка рукой, второй вынул затычку и несколькими большими глотками освежил горло.

– Эх! Хорошее у вас тут винцо! Хотя и не южное, но зато с кислицей и забористое! Бодрит! На!

Молодой король попытался было возмутиться таким панибратством со стороны неизвестного холопа и потребовать положенный по титулу кубок, но как только он решил оглянуться в поисках виночерпия, как ощутил горловину бурдюка у себя во рту. Ничего не оставалось делать, как и самому несколько раз от души глотнуть. Вино и в самом деле было одно из лучших и редких в королевстве – далийское. Только в одной маленькой долине рос тот мелкий черный виноград, что шел на приготовление этого знаменитого вина. Поставки шли только в королевский дворец, по личному заказу некоторых министров да в парочку самых фешенебельных постоянных дворов. Поэтому Бонзай сильно удивился, сразу забыв о неуважении к своей персоне:

– И г-где ты целый бу-бурдюк прикупил?

Незнакомец ответил с похожим заиканием:

– М-места надо знать! А что, хорошо пошло? Давай тогда еще п-по одной...

И они выпили еще. Потому что далийское вначале здорово бодрит. Потом обнялись за плечи и пошли куда глаза глядят, благо луна светила от всей души и дорогу между невысоких деревьев заметить было легко. Потом останавливались и пили, между тостами обсуждая женскую непредсказуемость, изменчивость и бесстыдство. Затем снова шли, пели, пили, плевались при воспоминании о женщинах...

Дальше король помнил лишь жуткое головокружение и свои безуспешные попытки подняться с четверенек.

Проснулся он, стуча зубами от холода, в гуще рассветного тумана, где-то в незнакомом густом лесу. Кое-как разогревшись интенсивной гимнастикой, он ухватился за раскалывающуюся голову и попытался позвать хоть кого-нибудь:

– Ау... Отзовитесь...

Никто, естественно, не отзывался, так как крик скорее походил на испуганный шепот. Умывшись обильной росой, уже более окрепшим голосом потерявшийся король продолжил кричать все громче и громче. Но вместо давно ожидаемых восторженных криков благодарного народа до Бонзая донеслось злобное рычание, а когда он окончательно расширил испуганные глаза, то различил в тумане две огромные волчьи фигуры.

– Вот и отпраздновали две недели, – пробормотал король, вынимая чудом не потерявшийся кинжал из ножен и дрожащей с похмелья рукой вытягивая оружие перед собой. – А ведь так здорово вчера все начиналось. Да и потом славно повеселились... Какая же собака меня в лес вытолкала?

При этом он сделал шаг назад – и подпрыгнул от неожиданности, услышав резкий вскрик:

– Твою мать! Ты мне руку растоптал!

Не сводя взгляда с примолкших волков, которые радостно переглядывались от удвоившегося количества пищи, Бонзай пощупал рукой сзади себя и наткнулся на чью-то спутанную шевелюру. Тут же раздались новые возгласы недовольства:

– Да ты совсем очумел?! То орешь ни свет ни заря, то прямо по мне как слон топчешься, а теперь еще и глаз выколоть норовишь!

Король сделал пару шагов в сторону, и теперь в поле его зрения попал мужчина с опухшим после знатной попойки лицом. Лет на десять старше короля, в отличных сапогах и в теплом не по сезону овчинном полушубке. Теперь стал понятен его безмятежный сон: в такой

одежке не замерзнешь. Руками мужчина долго шарил под раскиданным в траве хворостом – и вдруг завопил во всю свою луженую глотку:

– Вот! Вот он! Нашелся, родимый!

От этого крика даже волки испуганно попятились. И уже в следующий момент незнакомец со страстным причмокиванием поглощал остатки жидкости из винного бурдюка. Вначале закрытые от непередаваемого блаженства глаза на пятом глотке постепенно раскрылись, и в поле их зрения попал Бонзай с дико косящими глазами: он и от незнакомца не мог оторвать взгляд, но и волков оставить без внимания не рискнул. Примерно на десятом глотке до незнакомца что-то стало доходить. Он перестал пить, взболтнул емкость и с покаянным видом протянул застывшему с ножом в руке собутыльнику:

– Извини, сразу не сообразил... Но там еще и тебе похмелиться хватит.

Молодой правитель попытался сказать об опасности, но из пересохшего горла вырвался только хрип. Он болезненно пытался выдавить у себя во рту хоть пару капель слюны, фыркая и покашливая, но, кажется, мужик его понял по-своему. Довольно легко поднявшись на ноги, он задрал дно бурдюка вверх, а горловину довольно бесцеремонно вставил своему собутыльнику прямо в рот. Тому страшно хотелось пить, поэтому он буквально высосал остатки вина. Мгновенного просветления не наступило, зато теперь он мог говорить:

– Волки!

И с удовлетворением заметил, что мужика в тулупе проняло. Тот бешено заметался взглядом по окрестностям, рука метнулась за пазуху, а губы зашептали:

– Волки? Откуда здесь волки? – Зрачки его изрядно расширились при виде двух хищников, которые с полным спокойствием уселись на хвосты, будто огромные собаки.

– Что значит «откуда»? Они здесь всегда живут... И медведи... Правда, не так близко от Вельги...

– Да что ты несешь? Вельга – это столица... ну этого королевства... как его...

– Королевства Ягонов! – подбоченился Бонзай левой рукой, а правой так и продолжая направлять острие кинжала в сторону волков.

– Не может быть! – возмутился незнакомец, вновь продолжив озираться по сторонам. – Я ведь вчера оттуда ушел!

Теперь уже коронованному правителю стало обидно за свое королевство. Ну никак оно не подходило своими размерами для того, чтобы выйти из него за один день, да еще тихим шагом по ночной дороге – и вдрабадан пьяным. Здесь как раз подошел грозный, рычащий голос.

– Да ты никак мое королевство совсем не уважаешь?

Обладатель тулупа покосился на внушительный кинжал, рукоять которого была украшена большим изумрудом, и на всякий случай сделал несколько шагов в сторону. Но руку из-за пазухи так и не вынул.

– Не, королевство мне нравится, хоть я и не знал, что тут все такие патриоты. Просто ты меня не так понял. Я хотел сказать... вернее, признаться, что еще вчера я как бы... хм, убраться отсюда собрался... Только...

Очень подозрительно и весьма странно звучали его слова, но в следующие минуты Бонзаю Пятому стало не до разглагольствований. Стала понятна та отсрочка, которую дали людям два присевших хищника. Они поджидали остальных членов стаи, которые окружали двуногую дичь со всех сторон. С глухим рычанием на мужчин с нескольких сторон бросились еще три волка. Два первых оставались пока на месте, но с противоположной стороны подходил еще один кровожадный хищник. Король только и успел крикнуть:

– Становимся спинами! – и повернуться к несущейся на него паре.

Если бы на них напали только два зверя, шансы на спасение оставались бы вполне приличными. Но вот шесть крупных хищников могли задавить свои жертвы одной только массой.

Не считая мощных клыков и когтей. Да только Бонзай Пятый так просто сдаваться не соби-
рался. Первый удар его кинжала удачно пронзил волчьи челюсти снизу, доставая до самого
мозга хищника. Правда, вторая серая туша сбила человека с ног, и они покатались по треска-
ющемуся хворосту, переплетясь единым клубком. Причем далеко не обученному подобным
боям правителю королевства Ягонов удалось не потерять кинжал, и теперь он раз за разом
наносил удары в брюхо сцепившегося с ним зверя.

Постепенно серая туша обмякла, издала последнее, затухающее рычание и отвалилась
в сторону после отчаянного пинка ногой. Бонзай и не подумал расслабляться, пытаясь вско-
чить на ноги и размахивая перед собой кинжалом.левой рукой он интенсивно старался сте-
реть заливающую глаза кровь как последнего убитого им волка, так и свою собственную,
обильно бегущую из расцарапанного скальпа. Как ни странно, никто его не грыз и не атако-
вал. На секунду он замер на месте и прислушался. Кроме хриплых агонизирующих звуков
со стороны хищников да какого-то чертыханья, ничего слышно не было. Тогда Бонзай рискнул
согнуться и вытереть лицо краем разорванной куртки. Теперь видимость улучшилась до при-
емлемого уровня, и он заметил в пяти метрах от себя того самого незнакомца. Полушубок
мужчины тоже выглядел немного изорванным, но остался сравнительно целым. Вокруг лежали
три бездыханных волчьих тела, а пасть четвертого незнакомца как раз со стоном разжимал.
Видимо, волчара стиснул клыки на его ноге в последней предсмертной судороге.

Удивляться такому везению было некогда, хотя удивительная ловкость собутыльника
поразила Бонзая Пятого до глубины души. Реальность диктовала свои условия. Стая волков
могла оказаться гораздо больше, да и другие хищники теперь могли подтянуться на запах
крови. Поэтому он бросился к стонущему мужчине и лезвием кинжала разжал волчью пасть.

Незнакомец застонал с некоторым облегчением:

– Вот тварь! Надо же так вцепиться!

– Идти сможешь? – поинтересовался король. – Желательно отойти отсюда как можно
дальше.

– Действительно, – согласился мужчина. – А то у меня совсем не осталось па...

Чего там у него не осталось, понятно не было. Потому что при попытке встать на ногу
он взвыл от боли и опять рухнул наземь.

– Э-э-э, да он тебе, кажется, кость сломал, – констатировал Бонзай, внимательно присмот-
ревшись к изрядно окровавленной ноге. Затем быстро огляделся и решительно сунул окровав-
ленный кинжал в руку незнакомца: – Держи! Только не урони, если вдруг на нас кто опять
бросится. Понял?

Получив в ответ немного недоумевающий утвердительный кивок, молодой король пере-
кинул руку раненого себе через плечо, левой подхватил за ногу и, крикнув, забросил тело себе
на закорки. Несколько раз подпрыгнул, устраивая ношу удобнее, и мелкими шажками поспе-
шил перпендикулярно дующему ветерку. Туман к тому времени почти рассеялся, и в просве-
тах между стволами блеснули лучи восходящего солнца.

Покряхтывающий на спине незнакомец не смог удержаться от похвалы:

– А ты силен, бродяга!

– Ха! Да я самый слабый во всей Вельге, – признался молодой король. – Не готовил
из меня отец воина, не готовил...

– Это ты от скромности так говоришь, – продолжались лестные утверждения. – Вон
как лихо с двумя волчарами справился.

– Хе! Ты вон четверых затоптал... Уж не знаю как...

Заметив, что носильщик задыхается от быстрого шага, раненый тактично примолк,
но молодой король вошел в хороший темп, жестокая схватка его взбодрила, вино с Далийской
равнины разгорячило, и после окончания подъема он сам заговорил:

– Тебя как зовут?

– Дин, – последовал короткий ответ.

– Ну вот, я так и знал, что ты не из королевства Ягонов. У нас таких имен нет.

– Эт точно. Да я и не утверждал, что местный...

– А что тогда в Вельге делал? – добавил немного строгости в голосе король.

– Ничего, просто частенько сюда за выпивкой наведываюсь, вот и вчера решил винца прикупить. Тем более что меня в Ягоны всю жизнь тянет, а почему, понять не могу, как ни нагрюну в гости, так и обопьюсь вашего далийского. Но чаще всего с собой бурдюк брал и сразу уходил. А вчера смотрю: народные гуляния, девки симпатичные пляшут, костры полыхают. Так интересно стало, что и удержаться не смог. Но зато теперь я видел, каков настоящий праздник. До чего ж здорово было. Кстати, а ты не знаешь, по какому поводу так буйно гуляли?

– Знаю... Но лучше бы не знал...

Опять начался затяжной подъем, и оба примолкли. Тем более, что где-то далеко позади послышались волчьи завывания. Все-таки с места «ночлега» они убрались очень своевременно.

Наконец, когда выбрались на сухое светлое место, Бонзай выбрал одно из самых развесистых деревьев и решил сделать привал возле его ствола. Осторожно усадив раненого на узловатые корни, он принялся растирать затекшую шею, поясняя при этом свой выбор и внимательно осматриваясь по сторонам:

– Если по нашему следу пойдут, мы легко заберемся на верхние ветки. Если посадить не смогу, то на ремнях подтяну. Так что не переживай!

– Да я и не переживаю. Если бы не нога...

Они совместно осмотрели распухающую ногу и пришли к мнению, что промыть рану следует немедленно. Да только ни вина, ни простой фляги с водой ни у того ни у другого не было. Да и ручей по пути не попадался. Бонзай принялся нарезать вокруг маленькие круги и делал это все с большим раздражением и недовольством:

– Ничего понять не могу! Неужели я в своей лаборатории совсем отупел? В трех соснах путаться начал! Ну сколько мы от Вельги прошли? Да еще и на заплетающихся копытах? А ничего узнать не могу! Если солнце светит оттуда, значит, нам надо идти туда. Ну, примерно... А что мы там видим? Проклятье! Да там другой стоит! И лес на нем еще более дремучий, чем этот...

Курсируя зигзагами вокруг раненого, он вдруг услышал с его стороны восклицания:

– Эй! Дружище! Хватит метаться. Лучше иди сюда, я, кажется, догадался, куда нас занесло...

Бонзай не заставил себя долго ждать, присев напротив:

– Дин, ты ведь говорил, что не местный?

– И в третий раз готов это повторить. Но тут вот какое дело... – Он немного замялся, подбирая нужные слова. – Я вообще-то очень мало знаю о вашем королевстве, поэтому мне будет трудно все объяснить... Кстати, а тебя как зовут?

Опять волна подозрений захлестнула молодого короля. Вдруг перед ним шпион злобного дядюшки? Или еще хуже – какой-нибудь резидент из империи пожаловал? Константин Сигизмундович Барека ведь мог и заранее убийцу в королевство Ягонов послать. А потом только прийти с войском и завершить оккупацию без всякого боя.

Поэтому полного своего имени не назвал:

– Бон... Бон меня зовут.

– Хорошее имя, звонкое, – улыбнулся Дин и продолжил вопросы: – А вот скажи, Бон, маги у вас есть?

– М... Что это такое?

– Ну... такие вот колдуны, чудесники. Они умеют делать разные таинственные вещи, фокусы...

– А-а-а, у нас нет таких. Еще прапра-какой-то там дед рассказывал, что все они во времена его молодости на юг подались. Только их у нас шафиками называли. Поговаривают, они до сих пор на крайнем юге творят чудеса разные.

– Шафики? Очень интересно они тут названы... И, говоришь, на юге? Надо будет обязательно туда наведаться.

– Ха! Ты о чем говоришь? Туда несколько месяцев только по морю добираться. Да и то – уже пятьсот лет как косяки монстров все сообщение между материками перекрыли.

– Вот! Теперь об этом и поговорим. Понимаешь, я в некотором роде тоже один из шафиков... – Не выдержав, улыбнулся: – Смешно звучит! Так вот, я тоже могу делать некоторые чудеса и передвигаться сквозь некоторые расстояния. На самом деле я живу совсем в другом королевстве, которого даже нет в вашем мире.

– Да?... – Бонзай, конечно, не поверил и не смог скрыть своего сарказма: – А где же оно?

– В другом мире. И, поверь мне, миров таких неисчислимо множество. А между мирами существуют определенные дыры, сквозь которые и могут проходить такие, как я... хм... шафики.

– Ага, вы, значит, таким образом за вином ходите? – стал веселиться молодой король.

Но ответ последовал серьезный:

– За вином тоже. Что мы, не люди? Тоже хочется чего-нибудь вкусенького и ядреного. Так вот вчера я уже возвращался в свое королевство, когда встретил тебя на дороге. Как мне помнится... Ну и мы с тобой пересеклись. Вот... Потом я вроде решил тебя проводить, хотя и удивился, чего это ты в лес среди глубокой ночи поперся. Ну а когда узнал, что виновата женщина, все понял. Затем у меня были провалы в памяти, но, кажется, в какой-то момент я осознал, что я уже в своем королевстве. А рядом ты идешь, подпеваешь. Помнишь, я тебя спрашивал: не зайдешь ли ты ко мне в гости?

Бонзай Пятый ошарашенно закивал, но ответил категорическим отрицанием:

– Не помню...

– Зато я помню! Ты утверждал, что очень хочешь, но очень не можешь. Потому что ждешь в гости каких-то от мороженных барсучков, которые должны устроить твоему любимому дядечке подлянку. Правильно я помню?

– Ну... насчет «любимого» и «барсучков» тут явная путаница, но по сути все правильно...

– Вот! Значит, я тебе поверил, и мы вернулись обратно в королевство Ягонов через другую дырку. А потом я тебя немного проводил и мы стали прощаться...

– А потом?

Лоб незнакомца покрылся глубокими морщинами от натужных воспоминаний.

– Хм... Потом?... А потом ты мне наступил на руку! До сих пор болит.

Бонзай долго смотрел, как его ночной собутыльник ласково поглаживает пальцы на левой руке. Затем не выдержал:

– Ладно, ты меня проводил, мы с тобой попрощались основательно. Все-таки бурдюк был большой...

– Ага, двенадцать литров...

– ...Но как мы в таких дебрях очутились?

– Просто! Ведь пока мы брели по дороге моего... королевства, то успели по твоему проскочить раз в двадцать больше. Понимаешь, в разных мирах – разные плотности расстояний. Суть самого понятия «плотность» улавливаешь?

– Издеваешься? – обиделся молодой король. – Все-таки я – один из лучших ученых своего королевства. Если не самый...

– Уф! Тогда с тобой будет попроще.

Он переставил раненую ногу в другое положение, скрипнув зубами коснулся запекшейся корки крови. Бонзай тем временем лихорадочно проводил вычисления в уме и, придя к определенному выводу, все-таки решил уточнить:

– Значит, мы сейчас находимся от Вельги на расстоянии не одной мили, а двадцати?

– Плюс-минус миля.

– Значит, четыре, максимум пять часов усиленного бега. Да и зачем бежать так далеко? Можно ведь до ближайшего тракта добраться, хутора, постоянного двора. Уж мне-то лошадей любой одолжит. Посидишь тут на дереве до моего возвращения?

Дин счастливо улыбнулся:

– Хотел бы я иметь такого друга! Знаешь, чем ты мне больше всего понравился? Ведь ни секунды не раздумывал: когда понял, что у меня нога сломана, сразу на закорки – и поволок. Да и сейчас собрался хоть пять часов бежать, но помощь приведешь. А у меня и мысли не было, что ты меня бросишь. Бон, ты классный парень! И я надеюсь тебя обязательно отблагодарить как самого лучшего друга.

Он с искренней улыбкой протянул руку для рукопожатия, и Бонзай Пятый ее торжественно пожал. Мелькнула, правда, мыслишка, что почти незнакомый мужчина может и шпионом оказаться, и слишком уж корыстным хитрецом, который, зная короля в лицо, просто хочет втереться в доверие. Но в душе почему-то крепла уверенность, что перед ним в самом деле одна из тех легендарных личностей, которых называли шафиками. Одно умерщвление четырех волков чего стоило, а ведь Дин намного легче и стройнее короля.

Рукопожатие кончилось, и Бонзай резко выдохнул:

– Давай подсажу на дерево – и бегу.

Но раненый неожиданно возразил:

– Нет. Зачем тебе потом опять переться назад в такую даль. Лучше помоги мне еще чуть-чуть продвинуться вперед. Хотя бы на четверть мили. Уверен, там отыщется очередная дырка в мое королевство.

– Разве их так много?

– Предостаточно! Я и так по пути сюда высматривал внимательно, так что пропустить никак не мог. Значит, очередной радиус уже близко.

– Они что, располагаются кругами?

– Короткими дугами. Причем по всем векторам.

– Хорошо, я тебя пронесу без всякого труда. Но ведь ты не сможешь сам потом идти. Кто тебе там окажет помощь?

– Все очень просто. Постараюсь выйти сразу возле своей... как бы это точнее сформулировать... ага, передвижной лаборатории. А в ней у меня такие есть средства оповещения, что вскоре появятся врачи, спасатели – и за мое здоровье тогда можно не волноваться. Скорее я за тебя переживать буду.

– Ха! – хвастливо подбоченился молодой король. – Не такая уж я и лабораторная крыса, коллега, чтобы за себя не постоять. Тем более что я уже прекрасно сориентировался: хоть здесь и глушь, но не настолько, чтобы бояться нападения другой такой волчьей стаи. Они вообще в эти места редко забредают. Тем более, в такой солнечный день.

– Ну, если так...

– Только так! В какую сторону идем?

– Придерживайся того же направления.

– Тогда держись... э-эх! И катайся!

Бонзай опять несколько раз подкинул тело на плечах, укладывая удобнее, и с прежней сноровкой поспешил в путь. Вспотеть или устать на этот раз он не успел. Дин вскоре отозвался сильным голосом:

– Правее! Еще правее! Вон к тому дубу.

Молодой правитель королевства Ягонов смотрел во все глаза, но никакой дыры или чего-либо подобного не заметил. Но после тщательной корректировки курса, которая звучала из-за спины, он усадил раненого на небольшой валун. Тот очень медленно наклонился влево, и вдруг часть его настороженного лица стала исчезать. Создавалось впечатление, что он прячется за невидимой преградой. Вслед за головой спрятались плечи, левая рука и часть торса. Единственный свидетель такого чуда окаменел на месте. Но вскоре довольное лицо Дина появилось обратно:

– Все в порядке, моя лаборатория на месте, и я в нее сползу прямо с этого валуна. – Он опять протянул руку для последнего рукопожатия: – Прощай, дружище, и желаю тебе здравствовать вечно. А я, как только подлечусь, сразу к тебе и наведаюсь. Где тебя, кстати, искать в Вельге?

Так и не выпуская руки, король неожиданно замялся.

«Вдруг и в самом деле наведается? Тем более, что не простой это человек, шафик. Глядишь, воспользуется своими возможностями, какую-никакую полезную услугу окажет. – Неожиданно в голову ворвалась будоражащая мысль: – Вдруг он сумеет мне дельный совет дать, как врагов от королевства отвести? Или чудесами какими пособит? Только вот успеет ли?»

Вслух же начал бормотать:

– Да что там искать, спросишь Бонзая, тебе все покажут, где меня найти. В крайнем случае скажи, что ты шафик Дин. Бегом ко мне проведут.

– Да?.. Так шафиков у вас уважают?

– Ха! Пусть только попробуют теперь не уважить. А вот насчет помощи... – Он взглянул на окровавленную ногу своего собутыльника. – Ты когда в гости нагрянешь?

– Через недельку-две.

– А раньше никак нельзя?

Глядя на враз погрузневшее лицо своего нового друга, Дин постарался придать своему голосу оптимизма:

– Да не переживай ты по поводу этих глупых баб! Вот увидишь, все образуется. Такого парня любая красотка уважить мечтает.

– Да пес с ними, с бабами, – отмахнулся Бонзай. – Тут проблемы покруче на темечко давят.

Раненый понимающе кивнул:

– Ладно, тогда буду через три дня, максимум через четыре. У нас такие переломы быстро лечат, разве что гипс чуток мешать будет. Так что жди. И разузнай, где можно будет еще дальнего вина прикупить. А то я последнее забрал на постоялом дворе.

– Сделаем!

Рукопожатие – и раненый стал сдвигаться на валуне в сторону. Потом вставил в невидимое пространство здоровую ногу, обо что-то там оперся... Скрылись руки, ухватившиеся за нечто невидимое, и он плавно выскользнул из этого мира всем телом. На валуне не осталось даже влажного следа или царапинки. Только в одном месте он теперь блестел, словно кто-то тщательно вытер пыль.

Некоторое время Бонзай Пятый обалдело смотрел на это поблескивающее место, затем глубоко вздохнул, помотал головой, сориентировался по солнцу – и с места перешел на бег, интенсивно перебарывая на ходу разнообразные мысли:

«Если бы мне кто-то рассказал что-то подобное – ни за что бы не поверил. Вот интересно, поверят ли мне? Впрочем, лучше пока вообще никому ни слова, еще примут за буйнопомешанного или перепившегося. Да и вообще, явится ли Дин в гости во второй раз?.. Почему – второй? Ведь наверняка он уже сюда и раньше за винишком хаживал. Сам ведь признался. Только бы его привели ко мне и по пути не вздумали обидеть! Надо будет обязательно объявить

народу, что как только появится шафик Дин, пусть его немедленно и со всеми почестями ведут во дворец. Даже если он вообще не появится, хоть какое-то время еще буду жить надеждой...»

Вот так три года назад, сразу после коронации Ягона Бонзая Пятого, и началась крепкая дружба двух совершенно разных людей из не менее разных эпох.

Глава 3

Борьба за первенство

Мечта любого шпиона – получить задание прикинуться миллионером. Да не просто кратковременно притвориться, а сыграть роль от всей души и с небывалым размахом. Только вот никому из всемирно известных агентов подобное не удавалось. Во всяком случае, история об этом умалчивает. Даже Джеймс Бонд хоть и подвизался иногда под маской удачливого бизнесмена, но никогда правительство Великобритании не давало ему безлимитный кредит и разрешение тратить любые деньги на самых прекрасных женщин.

В этом плане Борису Викторовичу Королюхову повезло. Несказанно, баснословно и невероятно повезло. Причем счастье подвалило не на один день и даже не на одну неделю. Шел уже третий месяц, как ретивый агент жил в одном из самых фешенебельных районов и считался хозяином одного из самых роскошных особняков патриархальной Европы. И привело его к этому сочетание огромного числа совпадений. Хотя изначально, вне всякого сомнения, Борис приписывал свое выдвижение на такое немыслимое задание только своим личным качествам. Немецкий он знал превосходно, разговаривая на нем как урожденный шваб. Он был способен уничтожить голыми руками чуть ли не любого человека, невзирая на свой невзрачный вид напуганного толстячка-простофили. Приняв окончательное решение, действовал жестко, беспощадно и с наводящим ужас цинизмом. Если поступал приказ зачистить место от свидетелей, он никогда не гнушался сделать контрольный выстрел в затылок даже малолетним детям. В конторе его за подобные поступки недолюбливали почти все коллеги, но он и с ними старался поддерживать самые приятельские отношения. Однако обмануть коллег было сложно, а вот простых обывателей...

Борис талантливо, скорее даже гениально входил в любой разговор, поддерживал любую беседу и мог очаровать почти любого встреченного прямо на улице человека мужского пола, и девять из десяти – женского. Одна десятая женщин – обычно это были самые красивые и ослепительные – его сразу отвергала. Нет, они не оказывались очень уж умными, хотя и таких хватает среди красавиц. Но даже «глупые блондинки» от него сразу шарахались, инстинктивно чувствуя смертельную опасность. Пожалуй, только эта неприятная особенность больше всего бесила агента Королюхова. Поэтому в случае необходимости умертвить мало-мальски симпатичную женщину он действовал с редкостным садизмом.

А уж в обыденной жизни он просто заставлял себя репетировать знакомство с любой особой женского пола.

Пытался он в свое время наехать и на Александру, зажав девушку как-то раз в узком коридоре конторы. Ухватив ее за аппетитную попку, он с придыханием прижал молодое тело к себе:

– Ну что, детка, развлечемся сегодня вечером?

Полностью игнорируя потные ладони у себя под юбкой, девушка с отчужденным выражением буркнула:

– Только с моим трупом.

– Согласен! Мне и такое понравится, – затрепетал садист. – Но ты могла бы и при жизни быть поласковее со старшим коллегой...

В конторе его за глаза называли Каралюхом, презрительно коверкая по-польски фамилию на тараканий лад. В глаза подобное мог сказать только шеф Павел Павлович, а с того памятного часа – и Александра:

– Слышь, ты, Каралюх, если мне шеф прикажет, а финотдел расплатится, то я тебя как угодно приласкаю. На седьмом небе будешь от экстаза. Но! Деньги – вперед!

– Так я тебе и сам заплачу...

Девушка заглянула прямо в мутные, словно наполненные желтоватым гноем, глаза и прошипела:

– А свои деньги, Каралюх, засунь себе в задницу! Я работаю только на родное государство.

После чего лбом резко ударила коллегу в переносицу и, пока тот приходил в себя, спокойно удалилась. Через пять минут шеф лично поднес свой кулачище под окровавленный нос подчиненного и глухо пригрозил:

– Еще раз до нее дотронешься без приказа – собственные гениталии проглотить под моим руководством. Свободен!

За Павловичем ходила слава самого сурового командира. Нескольких подчиненных он за свою карьеру пристрелил, нескольким свернул шеи. Причем сделал это при явном неповиновении. Но не раз упоминали, что добрый десяток агентов так и не прошел тяжелейшие испытания боем, погибая или на полосе препятствий, или в банальном тренировочном бою. Так что еще в момент произнесения угрозы Бориска Каралюх избрал единственно верную тактику поведения и неожиданно бодро ответил:

– Каюсь, шеф! Виноват! Просто неудачная шутка. Готов просить прощения.

Шеф уже уходил, поэтому только проворчал через плечо:

– Считай, что ты его уже получил...

Кровных врагов у Бориса хватало. Но с тех пор Александра выдвинулась на первое место. Хотя своим радушием и искренними беседами он сумел убедить девушку, что действительно повел себя как последняя свинья и глубоко раскаялся. Вдобавок он и сам несколько раз безбоязненно вступился за Шурку в нескольких пикантных ситуациях и пару раз интенсивно подрался с самыми пошлыми остряками. По крайней мере, со стороны все стало выглядеть пристойно и с искренними дружескими симпатиями. Даже шеф как-то раз сильно удивился, когда Каралюх при распределении ролей в одном очень опасном задании стал настаивать на постановке Александры в более безопасное место:

– Пойдешь вместо нее?

– Конечно!

И пошел. И справился неплохо. Чем еще раз удивил начальство.

Но Павел Павлович и догадаться не мог, что теперь он сам в списках личных врагов стоит на втором месте. Насолить такому зубру, даже по мелочи, Борис не мог. Да и возможностей не подворачивалось. Но он умел выжидать и очень хорошо готовиться. Порой гениальностью природа и последнюю мразь не обделяет. А уж такой человек, как Королюхов, явно относился к группе самых сообразительных.

Поэтому, заполучив роль миллионера и кредитные карточки с неограниченным лимитом, он понял, что его звездный час настал. В мистические свойства объекта наблюдения он не поверил сразу и бесповоротно. Мигом пришло осознание, что родной конторе здесь ничего не выгорит, кроме неприятностей. А следовательно, Павла Павловича за перерасход средств, в лучшем случае для него, задвинут куда-то на задворки истории. Большого не требовалось. И Борис с особыми изысками принялся тратить полученные огромные средства. Его изобретательности и выдумке в этом вопросе оставалось только позавидовать.

Ну а когда он узнал, что к этому делу после загадочного исчезновения «третьей» присоединилась Александра, то от радости выпил зараз полбутылки коньяка, не отрываясь от горлышка. Ничем больше особо не показывая своей радости и понимая, что каждое его слово и жест и так записывается на камеры. Но спиртное он пил частенько, и ничего страшного, если один раз и всосал зараз полбутылки. Да еще и закусил словами:

– Вот теперь засну без снотворного.

Конечно, выполнение основного задания он ставил превыше всего. И ради установления дружеских контактов с Динозавром применял все свои мыслимые и немыслимые умения и уникальные возможности. Но вторая его ипостась работала только над одной проблемой: как можно быстрее устранить с горизонта шефа и после этого безбоязненно уничтожить Александру. Само собой, в идеальном варианте – не просто уничтожить, а сделать это с особыми садистскими спецэффектами, потворствуя своим самым низменным инстинктам.

Большую роль в сложившейся ситуации играло соперничество. Доказать, что именно он, Королюхов, разработает объект до конца, предъявив миру Дина как ничего не стоящую пустышку, означало поставить себя на самую высшую ступень в иерархии спецслужб. Мечта развенчать таинственность этого монстрика Дина не только придавала значимости собственным заслугам, но и позволяла оставить опасного Павловича в дураках, а его ставленницу – в покойницах. Что и требовалось.

И вчера агенту, подвизающемуся под маской миллионера, удалось сделать в этом направлении самый удачный шаг. Как всегда, ему сообщили заранее, что объект, по всем признакам, готовится выйти из дома, и Борис в своем изысканном костюме поспешил на зеленый участок, расположенный между дорогой и домом. За ним тут же поспешил вызванный из тылов громадной территории садовник, и они вместе принялись спорить по поводу декоративных кустов перед домом.

Вышедший на крыльцо соседнего особняка Дин с удовольствием вдохнул полной грудью свежий воздух, но вслед за тем сразу скривился от противного голоса садовника. Ведь он не знал, что именно из-за такого голоса и именно ради такого случая этот «садовник» подбирался агентом Королюховым.

– Господин Бонке, – скрипел тот в сторону своего, тоже кривящегося нанимателя, – вы должны в этом деле прислушиваться к голосу профессионала. Поверьте, со временем вы сами будете удивляться вашей неговорчивости.

– Да в гробу я видал такой профессионализм! – с безапелляционностью простого крестьянина возражал миллионер. – Что толку, Клаус, в твоём высшем образовании, когда у тебя нет элементарного чувства стиля.

– Да как вы смеете меня оскорблять! – еще противнее завизжал садовник. – Раз вы богатый, то не думайте, что вам все дозволено!

Словно досадуя на такое тупоумие, Борис схватился за голову и со стоном отвернулся. При этом он словно бы случайно заметил бредущего к своему автомобилю Динозавра.

– О! Сосед, будьте нам судьей! – воскликнул он радостно. – Прошу вас, рассудите, как лучше.

– Если я могу быть чем-то полезен... – Сосед прошел по аккуратно подстриженному газону, разделяющему участки, и вежливо поинтересовался: – В чем дело?

– Вот, взгляните. – Борис, который сейчас прикрывался фамилией Бонке, подал соседу чертеж: – Мой садовник настаивает на изменении наружного дизайна. Вот эти кусты он хочет расположить вот так, деревья переместить сюда, здесь добавить островком десяток тополей, а вот на этом месте устроить большой розарий.

Когда Дмитрий Светозаров понял замысел садовника, то чуть не расхохотался. Наружный дизайн в данный момент был просто великолепен. Чувствовалась рука истинного профессионала. Но то, что предлагал «высокообразованный» Клаус, не лезло ни в какие ворота. Скорее всего, маэстро садовых ножниц просто намеревался придать себе значимости в глазах недалекого миллионера и попутно обобрать его на дорогостоящем заказе. Это было понятно даже младенцу, обладающему хоть капелькой чувства прекрасного.

Но, наткнувшись на злобный взгляд садовника, Динозавр не стал высказываться со всей прямоотой, а посоветовал со всей возможной дипломатичностью:

– Мне кажется, все соседи будут против такого проекта из-за тополей. Не хватало нам здесь только туч летающего пуха, на которого у половины жителей стойкая аллергия. Это раз. Ну а во-вторых, лично мне никоим образом не понравятся рои пчел, которые все теплое время года будут залетать в мои окна. Здесь все-таки не ферма и не скотный двор!

Кажется, такие высказывания не только насторожили, но и напугали препротивного Клауса. Проскрипев что-то неразборчивое, он захватил свои планы и скрылся за дальним углом дома.

Бонке замычал от удовольствия и вытер ладошкой пот со лба:

– Уф! Ты просто не знаешь, как ты меня выручил.

– Да чего там, – улыбнулся сочувственно Дин. – Для соседа не жалко.

– Ты не представляешь, как он меня достал!

– Странно. Уволь его к чертовой матери – и всего делов!

– Ага! Так он и уволился! – запричитал Борис, чуть не плача. – Я было попробовал намекнуть, так он мне и профсоюзом обещал наехать, и лигой безработных, и комитетом по защите прав простого населения. Ты знаешь, я сам порой наглый и хамоватый, но от хамства этого Клауса меня чуть удар не хватил. И вот теперь он еще и выдоить меня решил на ровном месте.

– Если бы только выдоить! А то ведь опозоришься и в самом деле перед соседями.

– Что же мне с ним делать? Он ведь не успокоится...

Динозавру стало немного жаль соседа-весельчака, и он задумался – всего лишь на минуту.

– Ты вон каких красавиц в дом водишь. Так подговори одну из них, пусть по саду прогуляется да этого «гения по чертополохам» хоть разок к сиськам прижмет. Сразу же делай фото – и подавай на него в суд за совращение твоей невесты. Еще и сам будет просить, чтобы его уволили без выходного пособия.

Лицо Бориса расплылось в блаженной улыбке.

– Как просто... Почему я раньше не догадался? Ну, сосед, спасибо! С меня причитается! – Он с благодарностью потряс руку Дина и уже собрался расстаться, как вдруг сообразил, что поступает не совсем вежливо. Некоторое время на его сморщенном лбу явственно читалась жаркая борьба между жадностью и мотовством, но потом все-таки желание выглядеть гостеприимным победило: – Приглашаю ко мне на чашечку кофе. Заодно и дом посмотришь.

– Да я, в принципе, твой дом осматривал, когда он стоял на продаже, – с сомнением отозвался сосед, но тут уж в господине Бонке разыгралась тщательно лелеемая хвастливость:

– Но ты его видел без мебели и всего остального! А вкус у меня все-таки есть, хоть я и сам из простой... – Тут он замялся, подбирая слова и пытаясь скрыть оговорку: – Хотя я никогда не зазнавался!

Из чего стало понятно, что Борису Бонке просто обломилось гигантское наследство и теперь он превратился в эдакого сибарита, прожигателя жизни. Прижимистость, экономия и жадность до сих пор в нем сидели довольно крепко, но вот женщины его точно вскорости разорят, потому что на них он не жалел никаких средств. Да и не только на них, как оказалось. Немного подумав, он решительно выдохнул:

– Ну а к настоящему бразильскому кофе я тебя угощу коньяком на твой выбор. У меня в баре сейчас скопилось три тысячи двести шестнадцать сортов и наименований.

– Сколько?! – не поверил своим ушам сосед.

– Сколько слышал! – продолжил хвастаться Бонке. – Причем я собираю и пробую только самые лучшие.

– Ну... – Дин развел руками, хотя перед этим мельком взглянул на часы. – Как говорила моя гулящая бабушка, от таких предложений не отказываются. Тем более, что коньяки и бренди я просто обожаю и сам в них неплохо разбираюсь.

– Правда?! – Борис с самым искренним дружеским восторгом подхватил соседа под локоть и потянул в свой дом: – Тогда мы сейчас проведем совместную дегустацию нескольких новинок моей коллекции и обменяемся мнениями. Как здорово! Что же ты раньше скрывал?

– А ты спрашивал?

Так они, балагурия, и вошли вовнутрь. Но еще на пороге агент Королюхов дал условный сигнал своей группе поддержки. Те немедленно приступили к операции «Доставка тел». Причем очаровательных прелестниц намеревались доставить лучших из обитающих в округе. Вдобавок именно тех, что уже бывали в гостях у развратного миллионера и очень старались в очередной раз заработать не менее щедрую плату за свои ласки. Вариантов для такого случая было несколько, и, следуя поступившей команде, надлежало подвезти парочку самых эффектных и соблазнительных бестий.

Пока расторопная кухарка готовила кофе, Бонке быстро показал соседу основные достопримечательности утонченно и со вкусом обставленного дома и усадил в огромном салоне на уникальные кожаные кресла из крокодильей кожи. Вся тыльная стена помещения была оборудована под роскошный бар, на полках которого в несколько рядов теснились тысячи бутылок. При виде такого многоцветного изобилия Дмитрий Светозаров не смог сдержать восклицания:

– Ух ты! Впечатляет!

– Красиво жить не запретишь!

– Но как же ты хранишь такое достояние? Ведь у тебя такие оргии порой слышатся... Наверняка девицы не один раритет выхлебали. А?

– Еще чего! – самодовольно ухмыльнулся Борис. – Для баб-с есть пойло попроще. Я их к бару и близко не подпускаю. Его содержимое лишь для настоящих гурманов и сибаритов. – Он элегантно поставил на столик три бутылки, запечатанные сургучом. – Вот, присмотришься, встречал когда-нибудь такие?

– Увы, не довелось. Хотя надписи на кастельяно.

– Ну да, это мне по специальному заказу из Испании привезли.

– Почему взял? – деловито поинтересовался Динозавр. После чего хозяин дома на короткое время помрачнел челом. Но потом, вздохнув, быстро взял себя в руки, предвкушающе улыбаясь:

– Вот давай вначале попробуем – и только после этого дадим предположительную оценку каждому.

Полчаса опробований переросли в целое представление, диспут и исторические экскурсы в прошлое благородных напитков. Борису Бонке удалось поразить соседа своими обширнейшими знаниями в этой области. Он, несомненно, оказался гораздо большим экспертом, чем Динозавр, как в «чистом» виноделии, так и в производстве более крепких напитков. Ценность дегустируемых сортов, тоже по обоюдному мнению, оказалась соответствующей баснословной цене, и теперь Бонке радовался как ребенок, выражая укрепившееся доверие к поставщику. Как следовало из этого, вскорости новые сорта редкого бренди из глубоких подвалов Кадиса пополнят многочисленную коллекцию.

Само собой, что и Дин пригласил соседа на следующий раз в свой дом для дегустации весьма и весьма, как он загадочно выразился, диковинных вин. Ко всему прочему, и все три бутылки, стоящие на столе, медленно, но неуклонно пустели. Пить такую амброзию для собеседников оказалось сплошным удовольствием.

Вот тут как раз и появились доставленные в лимузине женщины. Ими оказались две сестры-близняшки, самые знаменитые топ-модели в этом земстве. Как только Динозавр их рассмотрел и узнал, то у него отвалилась челюсть и он лишился дара речи. Красотки тем временем с веселым смехом набросились на хозяина дома, тиская его за все места и осыпая его немного смущенную физиономию горячими, страстными поцелуями. При этом они еще успе-

вали весьма кокетливо и игриво посматривать на гостя, что тоже было с ними оговорено заранее. После окончания этих пылких приветствий Бонке кое-как вырвался из пылких объятий и стал знакомить девушек со своим соседом. Еще пять минут – и оттаявший, вновь обретший дар речи Динозавр интенсивно включился в веселый, ни к чему не обязывающий диалог, который касался только показов мод да прибытия в город одного из ведущих стилистов Европы.

А тут и очередь кухарки подошла, уже переодевшейся в лучший костюм прислуги-официантки. С интонациями хозяйки публичного дома она громко заговорила от двери:

– Герр Бонке, где прикажете накрывать на стол?

– Во внутреннем дворе, возле бассейна! – отозвался хозяин, а когда кухарка вышла, заговорщицки подморгнул соседу: – Девочки просто обожают совмещать купание с застольем и прямо-таки бравируют своей наготой. Надеюсь, ты не сомневаешься, что они того стоят?

– Нисколько! Такие аппетитные попки сразу вызывают повышенное слюноотделение.

– Так ты присоединишься к нашей трапезе?

– Я даже не знаю... Может, в следующий раз, когда я возьму своих подружек? Мне ведь тоже есть чем похвастаться.

– Проще им позвонить сейчас, – подсказал Борис, несколько ревниво прижимая топ-моделей к себе. – Раз пошла такая пьянка...

Кажется, сосед уже мысленно согласился и потянулся за своим телефоном, как вдруг его взгляд наткнулся на большие напольные часы:

– Кошмар! – Он даже за голову схватился. – Я к тебе только на полчаса зашел, а скоро уже час, как я здесь. Извини, мне обязательно надо быть в одном месте.

Казалось бы, для агента такой неожиданный уход объекта может послужить разочарованием, но Борис Королюхов оказался гениальным актером до конца. Динозавр явственно рассмотрел мимолетное облегчение на лице миллионера Бонке и даже услышал довольный вздох. Сразу становилось ясно, что за своих красоток этот богатый наследник любому глотку перегрызет. Да и в самом деле, куколки того стоили, поэтому Дмитрий Светозаров по-приятельски хлопнул обеспокоенного соседа по плечам и пообещал на прощанье:

– Ничего, в следующий раз я тебе таких чаровниц покажу – обзавидуешься! Позже созвонимся!

– Ага! – только и буркнул Бонке, со всем вожелением прижимаясь к красоткам и нервно дожидаясь момента, пока сосед удалится, чтобы со всей страстью наброситься на красавиц.

Выходя на лужайку, Динозавр восхищенно мотал головой и с хихиканьем представлял разыгрывающиеся у него за спиной откровенные сценки. Да еще и приговаривал при этом:

– Классный мужик! И чего я сразу с ним не сблизился? Ничего, мы с ним вскоре ка-а-ак загуляем! Но где он столько коньяка набрал?.. Настоящий нувориш!

Поздним вечером, после тщательного анализа каждого жеста и каждого слова, Павел Павлович признал работу агента-миллионера идеальной. Все полагали, что Каралюх на верном пути, а огромное количество потраченных денег все-таки переходит в качество и приносит определенные плоды. Сам Борис был на седьмом небе от счастья и гордости, но еще выше он поднялся в своем злорадстве. Очередные расходы теперь станут еще больше, так что шефу в скором будущем ну никак не отвертеться от неприятностей. И вдобавок тщательно рассчитанная и выверенная операция самой Александры летела коту под хвост. Она сделала ставку только на ностальгические воспоминания объекта и его многолетние привычки, но получилось, что расчет не оправдался. Как говорится, клиент сделал ручкой и не спешил сунуть голову в расставленную ловушку. Тем более что сама ловушка, по безапелляционному мнению Королюхова, выглядела хуже, чем мышеловка без сыра и пружинки. Формальная, дешевая пустышка.

Этой ночью миллионер Борис Бонке спал, удовлетворенный во всех отношениях: морально, телесно, алкогольно и даже, так сказать, злорадно. Все шло как нельзя лучше.

Только вот на следующий день роли поменялись: первую победу одержала Александра. Ее тщательно и скрупулезно разработанный план тоже дал отличные результаты. Клиент клюнул на живца.

Началось все сразу после завтрака, когда Дмитрий Петрович Светозаров вышел на крыльцо своего дома с большой спортивной сумкой. Несколько минутами раньше стоящий через два проулка лимузин господина Бонке сорвался с места по сигналу группы наружного наблюдения и подъехал к дому аккуратно в тот момент, когда сосед пересекал свою лужайку по дорожке. Приходилось варьировать моменты «случайных» встреч со всей возможной выдумкой. Ведь будет слишком подозрительно сутками ругаться с хамоватым садовником, а так – просто очередное совпадение, хозяин вернулся из деловой поездки.

Кстати, Борис сделал вид, что не пытается заговорить первым, когда вылез из лимузина. Просто несколько стеснительно махнул приветственно рукой. Зато сам Динозавр заговорил с поощрительной улыбкой:

– Ну как вчера, расслабился?

Физиономия соседа сразу расплылась от счастливых воспоминаний.

– Очень даже ничего! Они такие выдумщицы... – И, уже почти разминувшись, обернулся с недоумением на сумку: – Да ты никак еще и в гольф играешь?

– Тебе он так нравится?

Агент знал, что объекту этот вид спорта совершенно не нравится, поэтому мастерски скривился:

– Терпеть не могу! Несколько раз меня затягивали, так я чуть от скуки не помер. И чем это он вас всех так прельщает?

– Да нет, мне эти походы за престижем тоже не нравятся, – хохотнул Дин, подходя к своему авто и закидывая сумку в багажник. – Здесь коньки, наколенники, теплая одежда. Еду на каток.

Продолжающий идти бочком к своему крыльцу Бонке резко встал и завистливо воскликнул:

– Класс! Я тоже обожаю коньки и каток. Только вот меня никто толком не учил кататься.

– Чему там учиться? – Сосед обошел машину и оперся на крышу со стороны своей двери. – Хочешь, присоединяйся, и поедем вместе.

– Да у меня и коньков-то нет...

– Там все есть напрокат. Поехали!

Будь воля Королюхова, он сразу бы согласился и сделал все, чтобы испортить задумку Александры. Но в данном случае он просто вынужден был только подыгрывать. Поэтому и выдал приготовленную самой жизнью фразу:

– Езжай сам, у меня тут еще дела. Но как освобожусь, постараюсь успеть хоть пару кругов с тобой прокатиться.

– Ну вот, а говорил, не умеешь! – Динозавр показал большой палец: – Жду! Часа три я там точно пробуду! – Плюхнулся на сиденье и уехал.

Тем временем агент уже давил со злостью на кнопки карманного сигнализатора, запуская в программу операцию «Каток». Хотя он и кипел от злости и служебной ревности, но прекрасно понимал: если что не так, шеф по головке не погладит – будет терзать потом за каждую секунду промедления. Сейчас ему оставалось только блаженно надеяться, что объект так и не клюнет на подставляемого ему живца. Вот тогда Борис от всей души похочет над дурочкой, отзывающейся на базарную кличку Шурка.

Глава 4

Помощь друга

В королевстве Ягонов Дин появился в срок, как и обещал. Хотя день уже заканчивался и близился вечер.

Тем не менее его рассмотрели издалека, когда он приближался со стороны леса к западным воротам. Да и выделялся из числа путников: опирался при ходьбе на палочку, был облачен в одежды явно иноземного покроя, а за спиной у него висел слишком уж отличающийся от здешних стандартов вещмешок. Заранее предупрежденные стражники теперь тщательно присматривались к каждому, кто входил в город, поэтому сразу заметили совпадение всех примет. Самое главное, по описанию короля, гость мог прихрамывать на правую ногу. Сомнений почти не было.

Обычно одиноких путников в Вельгу пропускали без всяких вопросов, пошлина распространялась только на ввозимые товары, но на этот раз старший наряда шагнул навстречу незнакомцу:

– Добро пожаловать в столицу нашего королевства! По какому делу идете в город?

Тон у дюжего воина был вежливый, скорее даже предупредительный, поэтому Дин сразу решил выложить свою просьбу именно ему. Хотя и сомневался, что ему вот так сразу укажут путь к нужному человеку. Все-таки в Вельге проживало около тридцати тысяч человек, да и приезжих постоянно крутилось около пяти тысяч. Но если припомнить, что Бон хвастался, что он чуть ли не самый лучший ученый данного королевства, то и первый встречный воин вполне мог знать к нему дорогу.

– Мне нужен Бонзай. Не подскажете, как к нему пройти?

– Почему не подскажем, мил человек. – Старшина наряда, похоже, даже обрадовался гостю. – К нашему Бонзаю многие приходят. Только как вас звать-величать?

– Шафик Дин, – ответил гость, почему-то давая произвольную улыбку.

Теперь отпали последние сомнения, и воин стал действовать по жесткой сути инструкции:

– Мы предупреждены о вашем прибытии и сейчас вас проводят. Боди! – обратился он к одному из младших стражников. – Проводи господина шафика в малую посольскую избу!

Когда гость в сопровождении воина отправился от ворот по внутренней улице, старшина дал отмашку второму подчиненному:

– А ты скажи к его величеству и доложи о том, что шафик уже в столице.

Вскоре и всадник умчался по параллельной улице и, естественно, добрался до королевских палат гораздо раньше пеших. Повезло отыскать молодого монарха чуть ли не сразу. Тот, видимо, и так находился в нетерпении, сидя у окна и выглядывая на центральную площадь. А как увидел скачущего во весь опор всадника – поспешил на парадное крыльцо. Выслушал доклад, потер на радостях руки и полез в карман сюртука:

– Благодарю за службу! Весь наряд получит поощрение, а это – за хорошую новость!

Воин ловко поймал брошенную большую серебряную монету, которая приравнивалась к малому золотому, и рывкнул на всю площадь:

– Рады стараться, вашличество! – На такую сумму весь наряд славно погуляет в трактире после окончания смены.

А король уже распоряжался своими помощниками:

– Встретить гостя учтиво, усадить в первой приемной, предложить легкие напитки. В малой столовой накрыть стол на двоих, чтобы выглядело скромно и не чрезмерно, но – лучшие блюда и закуски, как я перечислял раньше. И никаких посторонних разговоров!

Затем лихо развернулся на каблуках и помчался переодеваться в более скромные одежды. Не хотелось ему почему-то с первой минуты встречи в собственном дворце кичиться перед новым товарищем ни своими нарядами, ни своим наивысшим титулом.

Когда молчаливый провожатый привел Динозавра к малой посольской избе, тот окончательно утвердился в мысли, что его товарищ все-таки занимает в столице достойное место. Наверняка редкие в этом мире ученые и здесь ценились должным образом, раз такой молодой парень обитает поблизости от королевского дворца. Сам дворец, к которому почти примыкали обе посольские избы, напоминающие разные по размеру гостиницы, не отличался громадными размерами или ненужной помпезностью. В иных мирах Торговцу доводилось видеть дворцы в десять раз крупнее, чем этот. И строились они порой в таких мелких королевствах, что вся их площадь могла поместиться в пригороде Вельги. Легкое здание скорее напоминало изящный замок, чем тяжелую махину монаршей резиденции. Зато как оно оригинально смотрелось из-за массы отличительных деталей и редкого сочетания элементов наружной отделки! Любо-дорого было посмотреть!

На входе в посольскую избу гостя поджидал слуга в ливрее зеленого цвета, который чинно поклонился и попросил следовать за собой. Заведя в уютную приемную с удобными диванами и креслами, сплошь устеленную искусно выделанными медвежьими шкурами, слуга предложил присесть с дороги, выпить чего-нибудь прохладительного и подождать самое короткое время. После чего величественно удалился.

Ничего не оставалось, как аккуратно усесться возле столика, отложив палочку в сторону. Но только гость стал присматриваться к прозрачным графинам и выбирать напитки по запаху, как в гостиную ворвался Бон, на ходу раскрывая руки для приветствия.

– Дин! Как я рад тебя видеть!

– О! Бон! И я тебя тоже!

Они похлопали друг друга по плечам, как старые добрые друзья. Затем сразу посыпались вопросы:

– Как твоя нога? Не болит? Не далеко пришлось идти? Или удалось найти дырку близко от Вельги?

– Нога до свадьбы заживет, как говаривала моя бабушка. Стараюсь идти спокойно, тогда боль не мешает. А проход сюда отыскал всего в полумиле от западных ворот. Ну а ты как? Далеко тогда пришлось бежать?

– Пустяк! Уже через три мили выскочил на поселковую дорогу, а там сразу и хутор увидел. Ну а дальше все верхом, с захватским ветерком.

После последней строки Дин закатил глаза от восторга:

– Вижу, ты еще и поэт! А судя по такому приему, – он развел руки в стороны, – как минимум придворный звездочет. Признавайся!

– Ох, – притворно вздохнул Бонзай. – Лучше жить подальше от царских ворот, зато не иметь никаких забот. Вон, на том хуторе, где лошадь брал, живут люди и не тужат. Ничего их не волнует и дальше собственного хозяйства ничего знать не желают.

Лицо гостя посерьезнело:

– Теперь догадываюсь, что и проблемы у тебя явно не крестьянские. Рассказывай!

– Э-э, нет, друг любезный! Давай сначала угостимся с дороги, промочим горло нашим любимым вином и только потом про заботы вспоминать будем.

– Неужели удалось разыскать далийское?

– Обижает! Чтобы я для тебя да не постарался? – Молодой монарх заговорщически подмигнул своему гостю, увлекая за собой в соседний зал. – Правда, много разыскать не удалось, но нам на двоих, может, и хватит...

– Сколько?

- Всего тридцать один литр удалось насобирать.
- О-о-о-о... – затянул Дин в изумлении.
- Да не расстраивайся ты так, через недельку еще подвезут. Сделал самый срочный заказ.
- А-а-а-а...
- Ну вот, присаживайся!

Бон указал на высокий стул-кресло с удобными подлокотниками и с высокой спинкой и сам уселся на такой же. Обегая глазами расставленные на небольшом (сравнительно, конечно) столе закуски и холодные блюда, гость опять выразился одной гласной буквой:

– Э-э-э-э...

– М-да! Эх тебя с голодухи да на сухое горло пробрало! – воскликнул хозяин застолья, собственноручно щедро наливая далийское в высокие, но незатейливые кубки. – Ну, за встречу!

Выпили и набросились на закуску. Хоть Динозавр перед путешествием плотно перекусил, здесь он признал поданные кушанья настолько изысканными и вкусными, что приходилось даже сдерживать неожиданно проснувшийся зверский аппетит. Способствовало усиленному пищеварению и обильно подливаемое в кубки вино. Ну а когда слуга подал на горячее метровые шампуры в виде боевых мечей с нанизанными на них кусищами прожаренного на углях мяса, гость воскликнул с восторгом:

– Мм! Какой убийственный запах! Все, теперь я точно лопну от обжорства!

– Ты еще не нюхал десерт! – не забывая доливать, предупредил Бон.

– Как? Еще и компот будет? – засмеялся Динозавр. – Тогда и вино нет никакого смысла пить. Все равно такая закуска любой хмель перебьет.

– Конечно, сейчас – другое дело, – поддержал его смехом собутыльник. – В прошлый раз нас в лесу так разобрало, что чуть сами закуской не стали.

– Да уж! А вот однажды...

Трапеза продолжилась в таком ключе, среди воспоминаний о веселых приключениях – до того времени, когда подали сладкое. Глядя на обилие разукрашенных тортов и калейдоскоп прочей выпечки ослепевшими от переедания глазами, Торговец протяжно застонал и признался:

– Смотрятся как лакомство из детских мечтаний. Глаза бы все съели. Да только руки уже не поднимаются.

– Нет проблем, сейчас служаночку кликнем, она тебя своими ручками покормит, – стал заверять хозяин застолья. Но сразу получит в ответ категорическое «нет» и поясняющую причину отказа:

– Жить хочется! Давай лучше перейдем к твоим проблемам, дружище.

– Да? Ну ладно, коли так, слушай.

Так и не раскрывая, что именно он является обладателем местной короны, Бонзай подробно рассказал новому другу обо всех бедах, валящихся на беззащитное королевство. И про наверняка начавших свой водный поход ледовых берсерков, и про плюющего желчью соседа с запада, и про ультиматум Визенской империи. Кратко дал характеристику доминирующей в подлой империи церкви, а на закуску привел сравнительные данные по численности и мощи местного войска и войск соседей.

Сочувственно покивав, гость поинтересовался:

– Действительно полный кризис. Но почему ваш король совершенно не чешется?

Бонзай Пятый притворился доверчивым дурачком и переспросил:

– Чесаться? Разве это помогает? – а затем принялся демонстративно чесать свои бока. Довольно скоро это ему надоело, и он пренебрежительно фыркнул: – Не-е! Нисколько не помогло!

Шафик соображал быстро и верно. Потому что сразу стал понимающе улыбаться:

– А-а-а, так это ты и есть – местный, так сказать, власть имущий?
– Увы! Он самый, – признался молодой монарх. – А что, уже и не человек теперь, что ли?
– Да нет, как раз очень нормальный парень. Просто это мне повезло найти такого собутельника. Значит, ты?..

– Представлюсь уже полным именем: Бонзай Пятый, из династии Ягонов. Но! Для тебя просто Бон. Всегда и в любом месте. Договорились?

– Согласен, – просто ответил новый товарищ.

– Вот за это и выпьем!

Когда очередные кубки были опустошены, гость немного подумал и спросил:

– Бон, а как ты вот мою помощь себе представляешь?

– Ну, не знаю. Мне ведь все твои умения не ведомы. – Король коротко задумался. – Но ты бы мог просто появиться неожиданно возле главных моих недругов и показать им кулак со словами: «Не смейте беспокоить королевство Ягонов!»

– Думаешь, это их остановит?

– Вполне! Я бы, например, сразу разворачивался и бежал бы изо всех сил домой.

– Сомневаюсь. Явно на себя наговариваешь. Наверняка бы укусил за показанный кулак.

Но тут важно другое: ты, скорее всего, и так не пойдешь на соседа. Правда?

– Никогда!

– Вот. А твои враги, скорее всего, ни перед чем не остановятся. Так что тут надо вначале за ними присмотреть, и только тогда уже окончательно решить, как их образумить. Вплоть до того, чтобы укоротить их на размер головы.

Бонзай уставился на своего гостя с повышенным интересом:

– У тебя на такие меры нет каких-нибудь запретов? Скажем – моральных?

– Повидал бы ты с мое – не спрашивал, – пожаловался Дин. – У меня со сволочами разговор короткий, да и у их подельников после наглядного урока желание делать пакости пропадает. Другое дело, что и кулак показать вначале, как ты советовал, я не погнушаюсь. Бывает, и конченные подлецы за ум берутся, свой образ жизни кардинально меняют.

– Есть какие-то конкретные задумки?

– Конечно, есть.

– Даже против Визенской империи?

– Конечно, там тоже кулаком помашем, – пообещал гость. – Только давай будем решать проблемы по мере их поступления. Кто у нас идет первым по списку? Северные смутьяны? Вот с них и начнем. Где у тебя карты?

Перебравшись за другой стол, дождались требуемых плакатов, и Дин стал сверять их с данными, которые имелись в его ноутбуке. Кстати, блестящая диковинная оргтехника не произвела на короля слишком большого впечатления. Наверняка он сразу решил, что подобными штуками любой шафик обладает.

Попутно гость скрупулезно выяснял все про детали быта, уклада гражданской жизни и иерархии управления северных викингов, немало подивившись при этом и самому названию воинственной народности, и их огромному сходству с аналогами на Земле. Очевидно, ему стала интересна история ледовых берсерков, раз он пообещал в ней покопаться при первой же возможности.

Сами по себе соседи с севера за всю обозримую историю на южных соседей, то есть королевство Ягонов, не нападали. Они себя считали покорителями Сурового моря и искали воинской славы только на широких водных просторах, снимая подать с жителей всей линии северного побережья континента. И только смерть сына их короля заставила берсерков повернуть свои ладьи на речные просторы. Вернее, построить новые в бурных истоках рек с этой стороны труднопроходимых гор. Да и то, по всеобщему мнению, в намечающейся агрессии особое слово сказал лично король, который и воспитал такого скандалиста и забияку. Потворствуя

сыну во всех грехах и слабостях, он разрешал наследнику путешествовать где заблагорассудится и вытворять что угодно. Вполне естественно, что подобный образ жизни должен был закончиться только одним: смертью бузотера. Просто королевству Ягонов сильно не повезло, что расшалившегося викинга проткнули именно на его территории.

Дину больше понравилось утверждение, что виноват во всем этом безобразии только король.

– То есть если он вдруг показательно пойдет ко дну, вся его рать отмороженных смутьянов, скорее всего, повернет домой?

– Однозначно! Даже его сподвижники поспешат на родное побережье, чтобы или самим побороться за престол, или вовремя поддержать нужного им претендента на престол. А новому королю потом будет не до нас.

– Вот, уже легче, – обрадовался шафик. – Теперь нам надо выбрать место для представления и хорошенько присмотреться к противнику на дальних подступах.

Бонзая удивило последнее утверждение.

– Как «мы» будем присматриваться?

– Увидишь. Теперь о нашей засаде. По какой из этих трех рек они будут наступать?

– Только по этим двум и, скорее всего, одновременно двумя флотилиями.

– Значит, они все равно встретятся в этом озере возле самой Вельги. И, мне кажется, этот островок для нашей затеи подойдет лучше всего. Как он выглядит?

– Так же, как и называется: Меч. Он и формой оружие напоминает, и торчащими из него колючими скалами.

– Лучше не придумашь! Значит, в ближайшие дни я там все как следует высмотрю, подготовлю, а потом мы с тобой подадимся в дальнюю разведку.

– И это все, что ты мне сейчас скажешь? – засомневался молодой король.

Шафик Дин решительно выдохнул:

– Нет! Еще скажу, что время течет стремительно, мне надо очень спешить, а следовательно... пора нам возвращаться к десерту!

Несколько дней после этого Дин в Вельге не появлялся. За этот период в столице произошло два преднамеренных поджога, которые удалось погасить только с огромным трудом и с человеческими жертвами. Враги начали войну саботажа и диверсий. Но и Бонзай Пятый не сидел сложа руки: неожиданно для всех он провел две тотальные облавы по всему городу, сопровождая их тщательными обысками и отловом всех подозрительных личностей. Как среди приезжих, так и среди собственного люда. Причем подошел он к проблеме не просто с позиции силы и власти, а применил несколько научных новинок и детективных наработок, которые его новый друг успел поведать во время десерта. Ну и свою исследовательскую сообразительность включил на полную мощь.

В итоге в густые сети облав попало около двух десятков человек, которые и дальше собирались сеять смуту. Правда, одной группе из нескольких злыдней удалось уйти чисто случайно, перед самым началом первой облавы. Так, по крайней мере, решили следователи. К гордости горожан, предателей среди поджигателей и прочих диверсантов оказалось всего двое, да и те считались претендентами на казнь уже давно. Все остальные были засланцами как со стороны запада, так и со стороны Визенской империи. За целый день пыток они поведали все о своих нанимателях, а вечером, при свете костров, преступников равномерно распределили по виселицам возле всех четырех ворот города. Причем виселицы возвели не слишком близко к крепостной стене, дабы впоследствии вонь от разлагающихся трупов не мешала ратникам нести свою службу на стенах. Как раз рядом с прежними помостами, где висели не так дано повешенные представители Визенской церкви. И таблички на грудь казненным с обвинениями прикрепить не забыли. Дабы такая казнь была напоминанием и уроком каждому новому врагу.

Как раз на следующее утро, уже без палочки, шафик вошел в город. На этот раз его никто ни о чем не спрашивал, а сразу предоставили оседланного коня и в сопровождении почетного конвоя доставили во дворец. Здраваясь с королем, он поинтересовался:

– Ты никак разбойников выловил? Облагораживаешь пейзаж?

– Татей у нас испокон века не водилось, – погрузнел до того улыбавшийся Бонзай. – Это мне дядя и Константин Сигизмундович первых своих шпионов прислали. Да и старых парочка окопалась. Спасибо тебе за советы, ты словно предвидел такую напасть.

– Везде все одинаково, и почти все войны начинаются по одной схеме. Странно, что викинги никого не прислали.

– Нет, те хоть и дикие, но до таких подлых ударов в спину не опустятся. И королю своему не дадут.

– И то неплохо. Но я вот тут тебе еще некоторые гостинцы принес, весьма полезными будут при выявлении силы враждей, вокруг тебя окопавшейся. – Дин снял со спины внушительный вещмешок и аккуратно поставил на стол гостиной. – Потом, когда вернемся, ты мне пару смекалистых парней предоставь: я вам, сразу троим, расскажу, как и чем тут пользоваться.

– Шустрых и сообразительных отыщем. У меня в лаборатории и библиотеке таких умников хватает. Может, мечом махать у них кишка тонка, а вот для сыска они в самый раз подходят. Только что значит «когда вернемся»? Там ведь уже столы накрывают...

– Нет, дружище. Пировать надо после победы, а я в прошлый раз еле от тебя живым ушел, вернее, как колобок укатился. Да и для простой трапезы надо вначале аппетит нагулять. Готов?

– Спрашиваешь! Сколько воинов с собой возьмем?

– Желательно идти вообще только нам двоим, разве что прихвати одного надежного парня. Пусть, пока нас не будет, за лошадьми присмотрит.

– Да ты не сомневайся, у меня все люди надежные, – чуть ли не обиделся Бонзай Пятый. – Без нужды и родной матери слова не пискнут.

– Да дело не в надежности, – смутился гость, в затруднении подбирая слова. – Как бы тебе растолковать... В общем, сам все увидишь. Поехали.

Тем не менее некоторые предосторожности все-таки приняли. Троих всадников, выехавших с заднего двора посольской избы, любой горожанин принимал за курьеров, которые тут разъезжали с особыми большими бляхами на груди. Все остальное довольно удачно скрывал просторный плащ с низко опущенным капюшоном. А для лучшей видимости в капюшоне имелось несколько прорезей.

В лесу друзья оставили сопровождающего с лошадьми на глухой лесной дороге, а сами отправились напрямик через густые заросли. Разве что гость перед уходом предупредил остающегося с животными парня:

– Когда услышишь жуткий грохот, словно гром гремит, не пугайся и успокаивай лошадок.

Пройдя полмили, Дин отыскал в глухомани маленькую полянку, скинул плащ, а когда король последовал его примеру, протянул тому плотную, почти в палец толщиной белую повязку для глаз:

– Когда я провожу через стыки миров постороннего человека, тот чувствует себя очень плохо. Но если при этом он еще и глаза откроет, потом его долго рвет и он ни на что не годен. А времени у меня в обрез. Так что не вздумай хотя бы краем глаза подсмотреть то жуткое сияние, которое возникает при переходе. А на грохот и скрежет не обращай внимания.

Бонзай не колебался ни секунды. Пока шафик говорил, он быстро надел повязку, которая полукруглыми утолщениями закрыла глазные впадины наглухо, а потом протянул руку вперед:

– Все понял. Веди.

– Э-э, нет! И тут не так все просто. На этот раз я тебя буду катать на себе. – Торговец завел руку невидящего товарища себе на плечо и подставил спину: – Запрыгивай!

Сомнения у короля все же появились.

– Но ведь у тебя нога сломана. Вряд ли уже срослась как следует.

– Ничего-ничего. Мне, выражаясь фигурально, всего несколько шагов сделать надо. Так что нога выдержит твой вес.

– Эх... Теперь понятно, почему ты кольчугу и латы запретил надевать.

После этого местный монарх чуть подпрыгнул и грузно оседлал своего товарища. Хорошо, что при этом он не видел, как Дин покривился от неприятных ощущений в ноге: Бонзай Пятый весил килограммов на тридцать больше, чем он сам.

Потом шафик чуть покачался для устойчивости и стал делать первые шажки. И ожидания не обманули короля: грохот буквально оглушил, непонятный скрежет ошарашил, а яркие разноцветные вспышки прорвались даже сквозь плотно сжатые веки и многослойную белую повязку. Мало того, появилось ощущение, что их вдруг стало разворачивать в пространстве вниз головой: пришлось монарху еще крепче обхватить своего носильщика и руками, и коленями.

Привычные ощущения собственного тела вернулись быстро и неожиданно, под шум раскатистого грома, словно уносящегося куда-то вдаль. Только тогда Бонзай услышал сдавленный хрип:

– Все, приехали! Слезай! И, твою мать, прекращай меня душить...

Непонятное в данной ситуации упоминание матери вернуло Бонзаю рассудительность, и он осознал, что действительно переборщил с объятиями. У него коленки и локти словно судорогой свело. Разжав хватку, он опустил ноги и встал на каменистую поверхность. Легкие порывисто втянули в себя свежий, очень влажный воздух, а в следующий момент после короткого прокашливания донеслось разрешение:

– Снимай повязку!

После этого король несколько минут рассматривал представившуюся его взору панораму. Они находились на самой верхушке далеко вдающейся в водную гладь скалы. Иссиня-голубое озеро раздавалось в стороны и стремительно убегало вдаль, теряясь между пологими берегами, покрытыми исполинскими деревьями.

– Остров Меч!... – выдохнул Бонзай в блаженном восторге.

– Он самый, – подтвердил шафик, продолжая массировать шею. Что сразу вызвало раскаяние:

– Ты уж извини, что я тебя придавил малость... Предупредил бы, что нас вращать начнет, – стал извиняться король, но его товарищ только рукой махнул:

– Не забивай себе этим голову, а лучше слушай внимательно. Это я сейчас сразу сюда двинулся, но со стороны нас было видно, притом – в сиянии молний, что, как ты понимаешь, нежелательно. Поэтому в следующий раз мы появимся вон там, в низине. – Рука Дина указала чуть ли не на противоположный край острова. – Ближе створ не доходит. Зато появимся там только с шумом – без световых эффектов. Твоя задача: мчишься сюда, раскрываешь вот этот металлический ящик и достаешь вот эту штуковину...

Плоская металлическая коробка, которая сразу не бросалась в глаза, теперь была открыта, и из нее шафик достал несколько изогнутых проволочек, скрепленных между собой чем-то похожим на черную задубевшую кожу. Затем он несколько раз показал Бонзаю, как это сооружение следует закреплять на голове, и только потом продолжил инструкцию:

– Вот этот мягкий шарик называется микрофон и должен находиться как можно ближе от твоего рта. Почти касаясь губ. Именно так! Теперь, нагибаясь к ящику и опускаешь вот эту рукоятку вниз. Отлично! Но пока помалкивай и запомни: если будет идти дождь, то крышку обязательно надо закрыть. Так, теперь смотри ниже, сразу у нас под ногами, у самой воды. Видишь два черных ящика? Так вот, если ты начнешь говорить, именно оттуда понесется твой многократно усиленный голос. Говори!

– Что именно? – спросил Бонзай и от неожиданности осекся. Его вопрос, сотрясая воздух, вырвался из черных ящиков с такой силой, словно во всю мощь орала сразу несколько наилучших певцов.

– Как тебе такой голосок? А? – самодовольно улыбался Дин, надевая себе на уши какие-то выпуклые кружки из войлока. – А теперь прорепетируй свое выступление перед подплывающими агрессорами. Скажем, так: «Вон отсюда, замороженные редиски!» А еще лучше, сразу начинай с предложения немедленно разворачиваться.

Молодой король с настороженностью покосился на микрофон у своей щеки и уже в полный голос крикнул:

– Стойте! – и сам подпрыгнул от разнесшегося по окружающим берегам рева. Казалось, даже скала задрожала у них под ногами. Немного оправившись от первого впечатления, Бонзай продолжил с возрастающим артистизмом: – Викинги! Здесь вас ждет бесславная смерть! Возвращайтесь к своему морю и чтите традиции истинных воинов. Мстить за павшего в честном поединке мужчину – подло и несправедливо. Тем более, что ваш мерзкий принц при жизни был придурком. А если вы не одумаетесь ислушаетесь моего приказа, то...

Последующие несколько слов пропали втуне, потому что Дин вернул рычажок на коробке в исходное положение. Затем медленно стянул свои «глушилки» и скептически повертел их в руках:

– Да, в них и оглохнуть можно будет. Следует подыскать что-то получше. Но выступать, признаюсь, ты мастак! Случайно в художественной самодеятельности не участвовал? Не морщся, это я так шучу.

– Ха! Да шути сколько влезет, – развеселился король. – Но что будет, если они не испугаются и будут двигаться дальше?

– Тогда применим более действенные меры убеждения. Там, правее, на карнизе, есть весьма удобная дорожка, по которой я проберусь вон в то углубление между скал. У меня будет с собой мощное дальнобойное ружье, которое на большом расстоянии пробивает человека в латах насквозь.

Бонзай переспросил в недоумении:

– Ружье?

– Ну, это такое технически усовершенствованное оружие, отдаленно напоминающее арбалет, только болт метают не стальные струны, а сила взрыва. Да и сам болт при столкновении с преградой, а вернее во внутренностях преграды, взрывается, как расплавленная капля металла при соприкосновении с ледяной водой.

– Ух ты!..

– Конечно, у нас и гораздо мощнее игрушки имеются, да вот только протащить их в щели между мирами проблематично. Ту, что нам понадобится, и то придется по частям доставлять.

– А ты успеешь ее собрать?

– Успею. И речь тебе надлежащую обязательно придумаем, причем сразу для нескольких вариантов действий противника. Теперь укладывай микрофон в ящик и смотри сюда. – Дин развернул карту. – Вчера я наведалься в верховья рек. Флотилия замороженных редисок (кстати, выглядят они впечатляюще, не могу не признать) уже начала движение. Вчера они собирались причалить на привал вот здесь, еще на своей территории. Значит, сейчас они уже примерно вот здесь...

Бонзай порывисто вздохнул, и лицо его посуровело.

– Им осталось всего четыре дня пути до этого острова!

– Ничего страшного, успеем все приготовить. Но сейчас я хочу с тобой просто заглянуть в их боевой строй: полюбуешься на пьяные рожи. Кажется, они собираются пить до самого боя.

– Сомневаюсь. У них за два дня до сражения вступает в действие сухой закон. Только при приближении к этому озеру они начнут облачаться в латы и готовиться к бою. Но как мы посмотрим? Ведь мне нельзя открывать глаза, а ты не хочешь показывать гром и молнии.

– О! Тут тоже масса правил и ограничений. Самое худшее, что минимальный по шуму гром возле их драккаров все-таки будет. Но, скорее всего, они примут его за природный и будут оглядываться в поиске грозовой тучи. Для нас архиважно не увлечься и не выставить всю голову из пустоты. Иначе какой-нибудь не в меру шустрый арбалетчик засадит болтом между наших любопытных глаз. Ты понял?

– Не совсем, – немного растерянно признался король.

– Ладно, наблюдай на конкретном примере, – стал терпеливо объяснять шафик. После этого он повернулся в профиль, сложил ладони перед собой в виде стенки и стал их медленно раздвигать в стороны, наклоняя в образующееся отверстие голову. – Это как бы граница между двумя реальностями, и мы отсюда пытаемся заглянуть «туда». Но сам глаз я туда переместить не могу, поэтому наклоняю туда медленно все лицо. Что вначале появилось «там»?

– Нос...

– Еще чуть наклоняюсь...

– Лоб и верхние части щек.

– Вот именно в таком положении мои глаза начинают видеть другую реальность. То есть «снаружи» уже изрядный кусочек нашего тела. Если ты увлечешься осмотром, то получится вот так... – Ладони разошлись окончательно, и вся голова Дина пролезла между ними с выпученными глазами. – Чтобы этого не случилось, надо постоянно себя контролировать, отклонять голову назад до частичной пропажи изображения. Потом снова самую малость подаваться вперед. Понял?

– Постараюсь не расслабляться.

– Моя рука будет все время находиться у тебя на груди, в районе сердца, иначе подсмотреть не получится. Но таким образом, с помощью руки, я постараюсь тебе напоминать про отклонение назад, когда и сам так буду делать. Для этого большим пальцем надавлю вот так. Постарайся не забыть. Если нажму два раза подряд – значит, прекращаем наблюдение. Теперь усаживаемся вот на этот длинный гребень.

Как бы странно это ни выглядело, они уселись рядышком, но лицами в противоположные стороны. То есть их правые бока соприкасались. Правые руки они прижали ладонями на груди друг друга в области сердца. И затем шафик впал в какую-то странную окаменелость. Довольно долго ничего не происходило. Но минут через пять Бонзай уловил, как в его правую ладонь стало равномерной пульсацией проникать тепло. Словно удары одного сердца стали ритмично гнать кровь сразу в двух телах. Соображения ученого хватило, чтобы осознать, что в данный момент происходит некая синхронизация двух различных организмов в единое целое. И когда два сердца одновременно с тепловыми импульсами стали биться в унисон, послышался еле слышный шепот:

– Медленно наклоняйся вперед.

Король заранее настроился на очередное чудо, и все равно резко изменившийся вид заставил его вначале отпрянуть назад. Изображение большого драккара с высоты двадцати метров тут же исчезло, и поэтому пришлось наклоняться вперед повторно. Неприятные ощущения вызывал и тот факт, что скользящее по речным просторам судно приходилось рассматривать, глядя вертикально вниз, словно лежа на животе. Тогда как все остальные чувства заявляли о вертикальном положении тела. Появившееся в первый момент головокружение удалось остановить благодаря шершавому камню под левой рукой и плотному сцеплению боками с Дином.

Перед взором короля открылось зрелище головного корабля флотилии викингов. Причем точка обзора оказалась как бы привязанной к движущемуся судну. Все сооружение представляло собой крепкую деревянную постройку тридцати метров в длину и трех в ширину.

С каждой стороны располагался ряд в семнадцать весел, из которых четырнадцать в данный момент располагались в гнездах, стоя вертикально, а по три с каждого борта были в руках у гребцов: те корректировали курс, слушая отрывистые команды рулевого, расположившегося на высокой корме.

Каждым веслом орудовали два гребца, тогда как все свободные от гребли занимались чем угодно. Кто прохаживался по широкому, около метра, проходу между скамьями, кто играл в кости, не сходя со своего места, а кто с любопытством рассматривал берег поверх высоких бортов. Правда, для этого приходилось встать ногами на широкие скамьи для гребцов. Посередине драккар разделялся возвышенным, вровень с бортами, участком палубы длиной около пяти метров, который условно можно было бы считать спардеком. Бушприт судна тоже немного не соответствовал постройкам земных викингов: он выступал далеко вперед и одновременно поднимался на порядочную высоту. Поэтому огражденная тонким леером площадка для вперёдсмотрящих нависала над водой несколько легкомысленно, но могла уместить на своем пятачке около трех лучников или гарпунеров. Промысловая добыча китов в Суровом море издавна считалась привилегией ледовых берсерков.

Видимо, появление наблюдателей все-таки ознаменовалось хорошо различимым громом, потому что вначале многие воины крутили головами во все стороны, пытаясь высмотреть грозную тучу. Подобное занятие им быстро надоело, и на небо больше никто не посматривал. Из чего стало ясно, что выступающих в их реальность частей лица никто из остроглазых покорителей моря не заметил. Хотя Бонзай не раз ощущал возле сердца резкое нажатие и своевременно подавался назад.

А посмотреть было на что. На спардеке как раз началось странное действо. Откуда-то из-под нижней палубы вытащили женщину и мужчину, сильно избитых, со связанными за спиной руками. Судя по изодранным остаткам одежды на женщине, она до этого много раз подвергалась жестокому изнасилованию. Она даже идти не могла самостоятельно, так и бросил несчастную на дощатый настил приволокший ее викинг. Тогда как связанный мужчина неожиданно показал самоубийственную прыть. Как только он осмотрелся по сторонам, то с отчаянной решимостью метнулся к борту, намереваясь прыгнуть в воду. Его сопровождающий словно заранее предвидел подобную ситуацию: вторая веревка оказалась привязана к запястьям жертвы, а ее конец намотан на кисть тюремщика. Резкий рывок – и пытавшийся покончить самоубийством пленник с жутким стоном рухнул на палубу. Кажется, от боли в вывихнутых предплечьях он потерял сознание. Зато восседающий на огромном кресле вождь после этого дико захохотал, словно наблюдал веселое представление.

В вожде Бонзай Пятый сразу узнал по описаниям короля викингов Ники Туйвола. Огромный, увитый буграми мускулов мужичище наверняка был больше двух метров ростом. Две блестящих от сала косы свисали по сторонам его квадратного, словно вытесанного топором, лица. Глаза горели бешенством и жаждой убийства. И пожалуй, только совершенно безусое и безбородое лицо вызывало ощущение некоторого несоответствия. Остальные воины на драккаре красовались различными по форме и размерам бородами. Поговаривали, что растительность у Ники с молодости была слишком реденькая и он во все времена предпочитал быть гладко выбритым. Сейчас король викингов с варварской экзальтированностью радовался начинающемуся представлению.

Вслед за пленниками и их стражами на спардеке появились два тощих старикана, черные тоги которых свидетельствовали об их принадлежности к клану северных шаманов, проповедующих жертвоприношения и по любому поводу, и вообще без всякого повода. Вообще-то в королевстве викингов они тоже были не в чести и вели чуть ли не подпольное существование в глухих горных долинах, поэтому вызывало удивление само их присутствие и явное сотрудничество с Ники Туйволом.

Встав возле самых краев палубы и обратив свои бледные лица к проплывающим берегам, оба шамана неожиданно мощно для их субтильных фигур синхронно затянули литургическую песнь. Король Туйвол на втором куплете присоединил к их дуэту свой рев, за ним нестройно стали подпевать и остальные гребцы. Призыв чего-то страшного на головы их врагов и просьбы к непонятному духу защитить своих воинов в кровавой сече разносились над полноводной рекой минут десять. Но как только последние слова отзвучали, к шаманам резко подтащили обоих извивающихся от ужаса пленников, наклонили их головы за борт, и служители кровавого культа одновременно перерезали ножами жертвам горло. Дав немного стечь крови в прозрачную воду, пинками сбросили вниз и трупы. И опять приготовились к исполнению следующей песни. При этом фигуры в черных тогах возвели очи вверх и набрали в легкие побольше воздуха.

– Я вижу добрый знак! – вдруг истошно заорал один их шаманов, вздымая руки к наблюдателям. – Наши покровители явили свои лики...

Что происходило на драккаре дальше, наблюдатели не стали рассматривать. Частые и резкие нажатия пальцев возле сердца заставили Бонзая выдернуть голову из другой реальности. Короткое головокружение при смене плоскости зрения, небольшая борьба с бунтующим желудком – и вот уже друзья приступили к обсуждению увиденного.

– Выродок! – громогласно возмущался молодой король, вскочив на ноги. – Он, оказывается, и шаманов позвал на помощь! Сволочи! Жертву решили принести при пересечении границы! В морях они такого не вытворяют, а здесь осмелились!

– Значит, раньше викинги себе такого не позволяли? – стал уточнять Дин.

– Никогда! По крайней мере последние лет двести. Во всем виноват этот урод Туйвол и его ближайшие подручные. Это надо же до такого опуститься, чтобы несчастных крестьян в жертву приносить.

– Кстати, а что будет с твоими подданными, которые вдоль рек живут?

– Да тех попробуй по лесам разыщи! Наверняка уже себе заимки, настилы в густых кронах и кладовки в стволах заготовили. А если дома на берегу викинги сожгут, к осени мужики все равно новые построят. Они тут на полной вольнице живут: ни налогов не платят, ни помощи не просят. На обратном пути ледовые берсерки их тоже не побеспокоят: будут рвать жилы с награбленным добром...

– Так ведь тяжело небось грести против течения?

– Кому? Да эти быки поодиночке с веслом справляются часами, а парами гребут как наскипидаренные.

– Постараемся к добру твоего королевства их не допустить. – Шафик похлопал своего венценосного приятеля по плечу. – Тем более, что и жалеть теперь короля Туйвола я не собираюсь. Как и все его окружение вместе с шаманами.

– Справишься?

– Несомненно. В крайнем случае я еще кое-что для подстраховки подготовлю.

Бонзай Пятый тяжело вздохнул:

– Меня другое волнует: как они морской корабль перетащили через горные перевалы? Скорее всего, построили в верховьях. Только вот непонятно зачем. Неужели давно к вторжению готовились?

– Может, и так. Ведь такой величины у них больше судов нет. Зато меньших и совсем маленьких – настоящая туча. При всем желании так и не смог подсчитать и половины, сбился. А ведь и по второй реке сплавляются...

– Да они всем королевством идут, – опечалился Бонзай, уставившись на северный берег озера. – Значит, прав был старый советник: гибель собственного сына Туйвол хочет использовать для захвата Ягонов навсегда. Взял с собой людей для оккупационных гарнизонов и теперь

точно ясно, что готовился к этой войне давно. А большой драккар строили наверняка год, а то и два – в верховьях реки...

– Жаль, что мы раньше с тобой не познакомились, – промолвил Дин, а когда король к нему заинтересованно повернулся, пояснил: – При определенной подготовке и планировании можно было устроить так, чтобы викинги напали на твоего озлобленного дядю. Они бы себя истощали, сшибаясь лбами, а ты бы только на их войне зарабатывал. И не смотри ты так на меня большими глазами! Во всех мирах умные люди только так и поступают.

– Выходит, что мы не умные?

– Зачем сам себя обижаешь? Умные вы, да вот только не настолько хитрые для таких дел. Да и доброта, доверчивость излишняя вас губит. Вон, даже твой отец и брат к войне не готовились.

– Ну да. – Король выглядел совсем угрюмо. – Чего ж даром злобствовать?

– Верно, вот потому ты мне и нравишься. А врагов мы всех ершистой метлой отвадим. Обещаю!

Они еще раз все тщательно осмотрели, отрепетировали надевание микрофона и работу громкоговорителей – и направились к той стороне острова, где находился стык между мирами. Но уже перед тем как запрыгивать на спину Дина, молодой король задал терзавший его вопрос:

– Хорошо, вот ты нам поможешь врагов отогнать, но ведь они после этого еще больше могут взлютоваться. Да и по остальному миру молва не совсем лестная пойдет о нашей силе неожиданной, а следовательно, многие потянутся эту силу пощупать да мечом на нее помахать. Вот как тогда нам быть?

Шафик обернулся и поощрительно пошевелил бровями:

– Молодец! Далеко видишь и сразу все просчитываешь. Удивляюсь только, почему ты раньше своей родине умом не помог...

– Да я в политику и заглянуть гнушался!

– Зато теперь придется выводить собственное королевство из медвежьего угла. Созывать отовсюду переселенцев, на льготных условиях раздавать земли, поднимать и модифицировать сельское хозяйство. Но самое главное – все силы бросить на развитие мануфактуры, добычи полезных ископаемых, кузнечного, литейного дела, а в дальнейшем – и на строительство пер-вых промышленных предприятий.

При последних словах Дин спохватился, досадливо крикнул и подмигнул своему очумевшему приятелю:

– Ну тут я, конечно, малость загнул... А с другой стороны, теперь тебе деваться некуда: будешь сиднем сидеть на печи – подгорят все калачи. Если вообще печь из-под задницы не выдернут. Так что решай: или за мной, или в речку головой! А?

Теперь король не сомневался и мгновения:

– Только за тобой!

– Ну тогда... поехали! Садись! – И Дин подставил свою спину.

На обратном пути опять знатно гремело и сверкало, но Бонзай Пятый уже знал, чего ждать, и постарался не повторить прежних ошибок, особенно непомерную силу в хватке. Когда оказались в лесу, на знакомой маленькой полянке, шафик не задыхался, как в первый раз, и не пытался массировать передавленную шею. Дождавшись, пока затихнут раскаты грома, они подобрали плащи, перекинули их через локоть, а затем двинулись к дороге, продолжив разговор вполголоса.

Каково же было их удивление, когда там они обнаружили, что все три лошади привязаны уздечками к одному дереву, а вот их провожатого нигде не видно.

– По нужде отошел? – предположил Дин, тогда как король повел себя совсем по-иному. Сразу выхватил свой проверенный в схватке кинжал и, осторожно осматриваясь, стал приближаться к животным:

– Не тот парень, чтобы пост бросить...

Тут и Дин насторожился, знакомым жестом засунул себе руку за пазуху и скороговоркой зашептал:

– Что бы ни случилось, если крикну – падай на землю. И не торчи на одном месте, а двигайся!

Только они вышли из густого подлеска, как послышался разбойный свист и с каждой стороны дороги выскочили два тяжеловооруженных латника. В шлемах и кольчугах, мечи в ножнах, а в руках у каждого – средней длины копье с широкими наконечниками. Очень удобное в ближнем бою с мечником. Все четверо замерли на расстоянии трех метров, не пряча кривых ухмылок. Тем более, что у вышедших из лесу товарищей на двоих был только один кинжал. Что сыграло в конечном итоге с нападающими плохую шутку. Их главарь решил театрально разразиться банальными оскорблениями, вместо того чтобы начать смертельную атаку со всех сторон всеми видами оружия.

Держа в руках полунатянутый лук с наложенной на тетиву стрелой, довольно молодой мужчина в богатой одежде вышел из-за густого орехового куста и с бешеной яростью стал осыпать молодого короля оскорблениями. Вскоре стало ясно, что вчера повесили одного из родственников засланного шпиона и теперь он по счастливой случайности увидел, как монарх въезжает в лес почти без всякого сопровождения. Разбойник уже перешел к финальной части своего эпического выступления, когда Дин, почти не разжимая губ, тихонечко забормотал:

– Кажется, я заметил второго лучника, сейчас уберу его, но ты все равно не стой... приготавился... падай!

Следующий короткий промежуток времени заполнился звонким треском, свистом стрел, ругательствами, криками боли и не менее ужасными стонами. Второй лучник успел-таки выстрелить раньше всех, но его стрела только оцарапала правое плечо бросившегося на землю монарха. Тогда как ничем не примечательный чужестранец выхватил из-за пазухи короткую трубку из железа и зачастил теми самыми трескающими звуками. Причем два раза он свою трубку направил на врага, спрятавшегося в кустах, один раз – на главаря и шесть раз – на сходящихся копейщиков. Потом – еще раз на раненого, ругающегося в кустах, один – на главаря, пытающегося наложить вторую стрелу на тетиву, и последний – на рычащего от боли, но продолжающего двигаться вперед копейщика. У того прямо на лбу появилась кровавая дырка, и он грузно рухнул на то место, где мгновение назад находился Дин.

Затем на минуту все затихло. Перехвативший кинжал за лезвие и приготавившийся к броску король тоже застыл в полуприседе. Они внимательно вслушивались в окружающий лес: не побежит ли кто? Не атакует ли вновь? Но ничего, кроме судорожных всхлипов умирающих да стона раненого, лесную тишину не нарушало. Даже кони замерли как вкопанные. Из чего следовало, что все нападающие обезврежены.

Первым сорвался с места шафик. Стелющимся шагом он пробежал к кустам, так и придерживая свое странное для местных оружие перед собой. Лучник смотрел пустыми глазами в кроны деревьев, а из дырки на скуле вела кровавая дорожка. Видимо, последний выстрел его и успокоил. Один из первых двух попал в живот, почему и слышалась ругань с воплями боли. Но, глядя на труп, Дин вдруг впервые ощутил, что и сам он смертен. Не пойдя главарь диверсионного отряда на поводу у собственных амбиций и излишнего апломба, лежала бы сейчас парочка друзей на дороге, оба утыканные стрелами и копьями, как обгадившиеся дикобразы. И все великие планы сгнили бы вместе с телами в какой-нибудь вымытой дождями рытвине.

Так близко от смерти Торговцу еще никогда бывать не приходилось. Даже схватка с волками после жестокого перепоя воспринималась как забавное приключение. Всегда до этого он считал себя почти бессмертным, избранником фортуны и баловнем судьбы. Сознание собственной уникальности в последние годы настолько вскружило ему голову, что он стал терять

чувство элементарной осторожности, полагаясь во всех мирах на свой пистолет и практическую смекалку. Хорошо еще, что годами наработанный навык метко стрелять в любых ситуациях помог выжить в этом скоротечном бою.

Он вышел из кустов и тупо уставился на стонущего главаря. Волна черной злобы сама подняла руку с оружием, а палец стал медленно давить на спуск. Хорошо, что Бонзай к тому времени полностью пришел в себя:

– погоди, не добивай! Допросить надо! – А когда шафик перевел на него отрешенный взгляд, молодой король стал поспешно оправдываться: – Ты извини меня за бестолковость. Нам следовало сразу же, как только увидели коней без присмотра, в лес убегать. Просто чудо, что мы даже не ранены...

Напоминание о ране заставило обоих обратить внимание на кровоточащее плечо короля. Теперь уже и Дин немного успокоился, довольно умело надорвал лопнувший рукав рубахи и перевязал глубокую царапину бинтом. На этот раз у него в карманах имелось два перевязочных пакета. Затем оба повернулись к стонущему жожаку.

– Сынок того самого визенского купца, которого вчера повесили, – дал короткую справку король. Потом присмотрелся к ранам: – Не помрет? Надо у него узнать, с чего это они в лес подались – перед самой облавой.

Стали осматривать и гадать, почему на теле главаря три ранения, если по нему было произведено только два выстрела. Ну в ногу – понятно, первый, после этого имперский шпион рухнул на бок. Но ко всему прочему, у него оказалась раздроблена правая кисть и прострелена левая подмышка. Перевернув потерявшего сознание главаря на бок, а потом опять на спину, гость из другого мира констатировал:

– Просто невероятное везение: одна пуля пробила ему и кисть, и подмышку. Но жить будет, если перевяжем.

– И сколько твоя штуковина таких пуль имеет? – кивнул Бонзай на оружие.

– Четырнадцать. Еще две должно остаться, если мозги мои не засохли окончательно. А сама штуковина пистолетом называется.

– Ты и волков тогда точно так же?

– Ага. Только там легче было...

– Ладно, перевяжи этого козла, а я дам кружок по кустам.

Тело сопровождавшего их воина нашлось совсем недалеко. В последние минуты жизни парню явно не повезло: его из засады утыкали стрелами. А может, и вплотную подъехали, пользуясь его неосведомленностью или чрезмерным доверием.

Бонзай опять попытался настаивать на том, что он сам быстро промчится к городу и приведет стражников. Но Дин возразил:

– Что здесь важного охранять? Кидаем пленного на коня – и мчимся вместе. Мало ли что.

– Извини, опять я не подумал, – с досадой фыркнул король. – Но что ж это теперь будет? Этак я и на улицу скоро без охраны выйти не смогу!

– Привыкай... Ну, взяли!

Они вдвоем закинули шпиона на круп похрапывающего от недовольства коня, закрепили безвольное тело своими плащами и вскоре въехали в хорошо знакомые западные ворота. Видя, что их монарх ранен, стоящие в наряде стражники еле сдержали рвущиеся злобные вопли. Хорошо, что Бонзай Пятый к тому времени вернул себе должное выражение неколебимой уверенности, не допуская и капельки ненужной паники. Вскоре к указанной точке помчался усиленный отряд воинов, а тяжелораненый шпион с животным ужасом очнулся в руках палача. Как ни противно было присутствовать при допросе, но допустить потерю времени в раскрытии преступления было никак нельзя, и монарх вместе с шафиком просто вынужденно направляли подсказками палача и не менее искусного следователя.

Как оказалось, не зря. Повешенный на медни визенский купец, главный резидент местной шпионской сети, раскинутой соседней империей, поклялся известить правящего монарха в самое ближайшее время. Потому как тоже знал про поход ледовых берсерков и пытался успеть убрать с трона истинного короля до их прибытия. Якобы потом, поставив у власти нового монарха, он вместе с ним разошлет гонимых во все стороны света и объявит Ягонов подданными Константина Сигизмундовича. Понятно, что ледовые берсерки новую марионетку сомнут, но тогда уже для грозной империи будет наличествовать более весомый повод взять родственник народ под свою опеку и вытурить завоевателей в их северные земли. В общем, планы у резидента отличались небывалым размахом и поразительной витиеватостью.

Сами шпионы время наибольшей опасности пересидели бы в лесу. Там, в довольно глухом месте, уже давно организовали тщательно замаскированную базу. Да и нужные вещи там перепрятывали. Как то: золотишко, оружие, яды и подложные документы. И как раз за час до облавы визенский купец послал своего сынишку за очень действенным ядом, для «работы» с которым подвернулся подходящий исполнитель. Яд отыскивали в одеждах допрашиваемого еще в самом начале, а когда докопались до сути, то палач так старался выпытать имя предателя, что переусердствовал в служебном рвении. Помер за сланец империи от сердечного недомогания. А перед смертью и клялся, и божился, что о человеке том нехорошем только батяня и ведал.

Уже заходя в гостиную с накрытыми столами, молодой монарх дал волю грызущей душу досаде:

– Вот и будь с такими змеями милостив! О самом главном резидента и не выпытали. Так он о родном сыне переживал, что и на предателя не указал. А мои следки на слово поверили, что он сына по делам в империю отослал. Да и вообще, купец очень уж уважаемый был, добрую треть всех складов Вельги держал. Скорее всего, именно поэтому его не додали как следует.

Шафик первым делом смочил пересохшее горло огромным кубком кваса и только потом возразил:

– Его вообще нельзя было пытаться.

Тоже смачивающий гортань Бонзай чуть не поперхнулся:

– Как это?!

– Сыску твоему еще расти и расти. Зачем вообще казнить спешил?

– Чтобы другим неповадно было...

– Ага! И в итоге мы с тобой сами чуть лаптями не накрылись. Тут надо было по-другому действовать. Ведь твой купец не только резидентом оказался, но еще и разбирающимся в торговле человеком. А такие торгаша, как он, прекрасно осознают только прямую выгоду и легко идут на сговор, лишь бы выторговать то, что дороже. В данном случае попавший под пытки папаша, зная местные законы, понял, что ему следует продержаться только один день – и он спокойно помрет, но спасет родного сына. Поэтому он и продержался. Если бы я успел со своими советами, сейчас бы и о предателях знали, и сами бы в смертельную переделку не угодили.

Молодой король смотрел угрюмо, по-стариковски, из-под нахмуренных бровей и бурчал с непониманием:

– Ну а потом что с этим купцом бы делали? Да и с сыном тоже?

– Элементарно, дружище! – как по писаному излагал гость из другого мира. – Потом мы этого купца тихонечко возвращаем на прежнее место, и он спешно бежит из Вельги, «оказавшись на грани ареста». Остальную мелочь пускаешь в расход безжалостно. В итоге мы имеем своего наилучшего шпиона в стане врага по той причине, что не работать на нас он просто не сможет. И будет стараться действительно на совесть, скорее всего, даже без вознаграждения – как истинный патриот королевства Ягонов. И не подумай, что я циник: просто против врагов все средства хороши.

– Ха! Я уж грешным делом успел подумать, что ты того купца пожалеть решил, – признался Бонзай, спорю наливая в кубки их любимое вино. – Ну что, приступим?

– Только этот тост – и ни капли больше! – категорически высказался гость.

– Обижаешь? Это ведь далийское!

– По запаху давно понял. Но время поджигает. В нашем распоряжении только два часа. Потому – как в армии: полчаса на еду и полтора часа на учения. Мне тут тебе еще надо целую кучу удивительных вещичек показать и успеть растолковать, как они все действуют. Ведь не забывай – кто-то из твоего окружения согласился тебе кушанье ядом подпортить. И мог это сделать не только за деньги, но и еще по какой-то другой причине. Следовательно, он все равно может тебя убрать, раз уж решился. Так что ешь и усиленно думай, кому ты мог нечаянно любимые мозоли отравить. И сразу заноси вот в этот список. Причем не забудь упомянуть и самые ранние твои детские игры...

Кажется, король на такие намеки даже обиделся:

– Это ты зря! Мои друзья и одноклассники – чисты как роса!

– Буду за них и за тебя рад. Но прими как данность: враг есть! Еще и какой: он наверняка имеет возможность питаться с тобой из одной тарелки. Так что в первую очередь надо тех, кто поближе, до самых ребер прощупать. А уж если врагом кто-то из дальнего окружения окажется, так он теперь к тебе тоже нелегко доберется. Значит, не так страшен.

– Как жить тогда, если совсем близких проверять надо? – закручинился Бонзай.

– Ничего не попишешь, как ругаются бюрократы, – философски изрек Дин, подняв палец вверх. Затем быстро пережевал откушенный кусок колбасы, что-то припоминая. – Может, оно не совсем по теме, но очень подходит. Моя бабуля часто любила повторять древние пословицы, и одна из них такова: «От своего вора – нет запора».

– Ну, нечто подобное и у нас имеется...

– Но и это не все! – не совсем вежливо перебил хозяина гость. – Тебе следует поискать еще одну паршивую овцу в собственном стаде. Причем она может в перспективе оказаться намного опаснее, чем банальный отравитель, а под овечьей шкурой может прятаться матерый козлик.

Король даже жевать перестал от недоумения. Так и спросил с полным ртом:

– Ты о ком?

– Смотри не подавись, винишком запей, – по-приятельски посоветовал шафик, затем оглянулся на прикрытую дверь гостиной и понизил голос: – Забыл, что визенский резидент хотел поставить на твое место марионетку? Как ты думаешь, кого?

– Наверняка одного из своих подручных.

– Нет, я, конечно, посмотрелся наивных правителей! – Гость в приступе наигранной веселости развел руки в стороны, а потом громко хлопнул ладонями себя по ляжкам: – Но чтобы настолько...

На шум хлопка дверь открылась, и дворецкий вежливо поинтересовался:

– Что угодно вашему величеству?

Не оборачиваясь, Бонзай Пятый прорычал:

– Проследи, чтобы никто не подслушивал и не стоял возле двери ближе чем в пяти метрах.

– Будет сделано! – раздалось одновременно с захлопнувшейся дверью.

– Ну, договаривай!

– Мог бы и сам догадаться. Как ты думаешь, стали бы слушать команды твои воины от какого-то пришлого? Пусть даже только три дня. И пусть он хоть в три раза более уважаемым купцом будет.

– Да ни за что!

– Вот! А кого бы они стали слушать? По крайней мере, хоть временно?

– Ну... – затянул с прозрением король, но опять был нещадно перебит:

– Вот этих кандидатов – во второй список. И пусть твои люди проверят в первую очередь каждого на предмет возможного общения в последнее время с резидентом. Про такие дела прислуга обязательно знает: не поварихи, так конюхи; не садовники, так охрана. Только просьба одна к тебе...

– Какая?

– Если что интересное всплывет, погоди два дня: не спеши всех на виселицу отправлять.

А?

Король непроизвольно потянулся к графину с вином, но тут же сам и руку одернул, словно обжегшись. Вместо этого поддел на двузубую вилку средневековойковки огромный голубец и торжественно пообещал:

– Сделаем!

Глава 5

Беспроегрышная атака

Откровенно говоря, в задуманное Александрой знакомство не верил никто. Особенно после того, как она из своего очаровательного личика сотворила бог весть что. Казик Теодорович, главный аналитик конторы, так сразу и сказал:

– Да ты его просто напугаешь своим видом, и никакое напоминание о тринадцатилетней девочке не спасет. Как ты не поймешь, что с вероятностью девяносто семь процентов объект постоянно смотрит на фотографию именно из-за родителей. Таким образом некоторые личности просят совета в трудную минуту или, наоборот, спешат поделиться радостью в счастливое время.

От молодого агента тут же последовали возражения:

– Вот и плохо, что вы не учитываете те самые три процента. Наверняка среди вас только выходцы из многодетных семей. Казик, признайтесь, сколько вас было у матери?

Выходец из польской семьи, осевшей когда-то на Волыни, раздраженно пожал плечами:

– Шестеро, причем между братьями и сестрами у нас прекрасные отношения. Но самое святое для нас – родители.

– Это вы с высоты своего старческого возраста так говорите...

– Что за оскорбления! – несколько картинно воскликнул Теодорович, пытающийся до сих пор ухлестывать за женщинами помоложе. Но при этом непроизвольно погладил рано облысевшую голову.

Александра его не слушала:

– ...Тогда как в юношеском возрасте наверняка ненавидели друг друга. Только опытные, любящие родители вас и объединяли. Нечто подобное происходит в маленьких семьях, где только двое детей. Но там дети в таком возрасте как раз приходят к пика своего максимализма и ненавидят брата или сестру со всей грубостью и бескомпромиссностью.

– Вот! И я об этом толкую! – потряс указательным пальцем аналитик, ища взглядом поддержки у насупленно молчащего Павла Павловича.

– Но. – Девушка подняла со стола копию той самой фотографии, с которой Торговец никогда не расставался. – Весь ваш отдел не учитывает нескольких важных вещей. А именно: пик антагонизма между Димой Светозаровым и его сестрой мог пройти гораздо раньше пропажи девочки. Потом, этот пик вообще мог промчаться в более мягкой форме, без излишней конфронтации. О чем и свидетельствует ношение именно этой фотографии, ведь наверняка в семье сохранились и другие, где отец с матерью и моложе, и симпатичнее, и только вдвоем. И самое главное, любой человек, растущий в семье, знает: его родители тоже смертны – и как бы изначально смиряется с тем, что и они когда-нибудь умрут. А вот себя и своих сверстников автоматически причисляют к контингенту вечно живущих. Следовательно, объект наверняка гораздо больше тоскует о потере сестры, которая с годами в его памяти становится все более желанной. Милой и сердечной. Наверняка он часто жалеет об отсутствии сестры и порой красочно представляет, как это было бы здорово иметь возле себя близкого и родного человека, которому можно довериться во всем без исключения.

– Куда там, – безнадежно махнул рукой Казик Теодорович. – Этот Светозаров своей тени, похоже, не доверяет. Тем более что он осознает, какие порой бывают родственнички.

Когда аналитик, проворчав еще несколько нелестных слов по поводу самонадеянности зеленой молодежи, убежал, шеф тоже попытался высказать свое неприятие:

– Шурка, я сильно сомневаюсь во всей затеянной тобой операции, но ты бы хоть себя не уродовала. А? Такое впечатление, что вся твоя красота в стиральной машинке осталась. Ты бы хоть глазки подвела...

– Ха! Наоборот, я их обесцветила, и в брови лишние вставки волосяные наклеила, и нос вставками расширила...

– Маразм какой-то! Ты никак косметику со знаком «минус» употребила?

– Ага! – радостно улыбнулась девушка, и стали видны некоторые огрехи в ее ранее ослепительных зубах. – Не сомневайтесь, Пыл Пылыч, так надо. Тут главное при первом взгляде заронить, вернее – затолкать в душу объекта самое нужное ностальгическое воспоминание.

– Ну заронишь, ну затолкаешь, – скривился старый зубр, прошедший через своих подчиненных не одну сотню таких операций. – Но ведь этот тип тебя вмиг раскусит – после вашей первой же случки. Наверняка заподозрит неладное, если после утомительной ночи ты встанешь с мятой простыни в несколько раз прекрасней.

Александра придала себе надменный вид снежной королевы, что, к огромному удивлению шефа, ей удалось сделать даже в «сером» макияже, и с невероятной самоуверенностью пообещала:

– К тому времени, когда вообще возникнет тема постели, он будет в моей полной власти. И даже если вдруг догадается сравнивать фотографию нашей первой минуты знакомства с последующими, то все мои чудесные превращения из гадкого утенка в прекрасного лебедя будет приписывать только своим талантам и моему желанию понравиться именно ему, единственному и самому заботливому во всем мире.

– Ну, если ты так уверена... – Шеф развел в стороны свои мощные ладони. – Тогда будем ждать. Только вот сколько? Ведь у каждого человека порой наступают в жизни моменты, когда он избавляется от самых постоянных привычек.

На этот вопрос девушка только и смогла, что беззаботно пожать плечиками, покрытыми свитером грубой вязки. Потому что и сама больше всего переживала именно по этому поводу: когда именно объект подается на каток? И сделает ли это вообще в ближайшие несколько месяцев?

Дело в том, что Дмитрий Петрович Светозаров имел одну привычку: он довольно регулярно посещал каток. Зимой он делал это примерно раз в месяц, а в остальные времена года довольствовался одним разом за сезон. Причем даже летом он делал это обязательно раз, а то и два с целью изрядно освежиться, как сам говорил знакомым. Но в закрытом ледовом комплексе он не только от души гонял на коньках, но и со всей целеустремленностью разбалованного ловеласа отдавался попыткам пофлиртовать с одинокими женщинами и девушками. Он не слишком-то хорошо катался, даже незатейливые фигуры начинающего фигуриста ему давались с трудом, а вот просто погонять любил и при этом успевал рассмотреть каждую симпатичную мордашку не только непосредственно на льду, но и на трибунах. Достаточно ему было выбрать очередной объект «охоты», как он с присущей ему непосредственностью затеивал интересный разговор, переходящий в знакомство, а потом, как правило, заканчивавшийся интенсивным сексом. Подобные связи тоже не отличались продолжительностью: один, максимум несколько вечеров – и новая пассия забывалась безвозвратно.

Уже прошло почти два месяца лета, но еще ни разу за это время объект не посетил свой «пантеон бодрящей прохлады» и, вполне возможно, мог решить покататься на коньках в любой день.

Именно поэтому Александра с самого утра сидела неотрывно в штаб-квартире конторы и ждала сигнала от групп наружного наблюдения. Приходилось быть полностью готовой: одетой, загримированной, с соответствующей прической. Разве что коньков на ногах не хватало. Суперагент боялась в случае сигнала потерять даже лишнюю секунду на дорогу или переодевание. Конечно, лучше всего было бы находиться совсем рядом с катком, но в этом земстве

было целых три современных комплекса зимних видов спорта, и любой из них Дмитрий Светозаров мог выбрать. Какой-то определенной системы в его посещениях не было, так что равноудаленная от всех мест штаб-квартира подходила для ожидания больше всего.

В таком вот виде – и в постоянных диспутах с шефом и с Казиком Теодоровичем – она провела пять невероятно тягостных дней. Пожалуй, только тщательное изучение всех известных штрихов биографии Дмитрия Петровича Светозарова заставляло сосредоточиться на деле. Зато на шестое утро сигнал к началу операции «Каток» пришел неожиданно рано. Александра только явилась в контору, сделала себе кофе со сливками и собралась не спеша, аккуратно, не повреждая макияж, его выпить, как из коридора послышался топот и всполошенный крик шефа:

– Шурка! На выезд!

Расплескавшийся кофе чудом не попал на свитер, и уже в следующий момент девушка подхватила сумку с коньками и ринулась к машине, задавая вопросы на ходу:

– Что так рано-то?

– Объект только вышел из дома, но поделился планами с Каралюхом...

– Ай да Борюсик! Молодец! Заслужил от меня поцелуй-чик! Куда едет объект?

– Пока только тронулся, но предполагается, что в «Ксанаду».

– Здорово!

– Чего радуешься? Каток огромный и самый многолюдный. Ты там вообще к нему не подберешься.

– Подберусь, – пообещала девушка, усаживаясь в машину. – Важнее, что там самое романтическое место.

– Следи за связью, – тревожно напомнил шеф. – Чтобы мы тебя успели подстраховать в любом случае. Я и сам сейчас подъеду, гляну на вас...

Уже через открытое окно трогающегося авто Александра строго предупредила:

– Только из-под крыши!

Располагавшийся на юго-западе развлекательный комплекс «Ксанаду» имел все для проведения зимних карнавалов в любое время года. От горнолыжного спуска длиной в шестьсот метров до целого ледового поля для любителей фигурного катания. Это – не считая многочисленных ресторанов, кафе, кегельбанов, бильярдных, саун, бассейнов, караоке и прочая, и прочая... По самому верху ледового поля под крышей располагались многочисленные тренажерные залы, через наклонные вперед окна которых можно было наблюдать за всей ледовой поверхностью. Так что если Павел Павлович с его броской внешностью и будет стоять у окна среди других подобных зевак, то его голый торс с полотенцем на плече рассмотреть и запомнить станет довольно-таки трудно. Но все равно было непонятно, зачем руководителю конторы собственными глазами что-то высматривать. Ведь многочисленные «слухачи» наверняка уже проникают в «Ксанаду» под видом бодреньких отдыхающих и каждое слово или жест можно будет воспроизвести в мельчайших деталях в видеозаписи.

Но на эту тему Александра не стала заморачиваться. Все время поездки до развлекательного центра она спешно прокручивала самые разные сценарии предстоящего знакомства. Хотя изначально было понятно: все равно придется импровизировать на ходу. Подобная ловля на живца в любом, даже самом легком случае получалась в итоге сильно подкорректированной по сравнению с первоначальными задумками. А тут и вовсе приходится цеплять просто невероятную по габаритам и всемирному значению рыбину. Такой сомище может не только наживку с крючка сорвать, но и сам крючок вместе с удочкой и рыбаком проглотить, без малейшего риска подавиться.

Неповторимому, мистически удачливому, непревзойденному и самому сексапильному агенту нужен был только успех. Причем успех полный, безоговорочный.

По собираемой информации о передвижении объекта выяснилось, что вычисленная точка может не соответствовать действительности. Клиент вдруг развернулся и поехал в другом направлении. Пришлось и Александре приказать водителю припарковаться, ожидая следующих данных от группы наружного наблюдения. Как через десять минут выяснилось, Торговец просто забыл купить какую-то несущественную мелочь, потому и заскочил в специализированный магазин автомобильного дизайна. Как только он тронулся в путь, сразу свернул в первый же проулок и вернулся на прежний маршрут. Что немного выбило из ритма его преследователей. Обогнать лихо ведущего автомобиль Динозавра так и не удалось. Мало того, он в раздевалке только сдал свою сумку с летней обувью, облачившись во все остальное сразу возле приемщицы. Так что подцепить его еще на пути к ледовому полю не удалось. А там он сразу стал давать выход накопившейся физической энергии: сделал десяток кругов по периметру поля на большой скорости.

Так что у Александры оказалось больше четверти часа, чтобы осмотреться и правильно выбрать место для якобы совершенно случайной встречи.

Девушка к тому времени уже переместилась в самый центр катка и, продолжая двигаться как можно более несуразно, постаралась отыскать шанс первого контакта. Последовавшие затем сорок минут кошмарно летящего времени, ознаменовавшегося паникой, чуть все не погубили, да и самого главного сделать не удавалось. Мало того, как раз та самая паника началась после того, как стало заметно, что объект повел интенсивную осаду одной из самых симпатичных посетительниц катка, облаченной в яркую, облегающую фигурку курточку красного цвета. И хуже всего, что та длинноногая девица сразу же начала отвечать томными улыбками и не всегда отрицательными короткими ответами.

Вот тут и сказался невероятный опыт Павла Павловича и его личное присутствие на самом удобном для наблюдения месте. Неизвестно, как и что именно он скомандовал, но вскоре со скамеек в сторону той самой длинноногой красавицы призывно помахал человек в форме служащего катка. Причем сделал это в самый удобный момент: Динозавр как раз набрал лихую скорость и с явным рекламным саморисованием ушел далеко вперед. Девушка с некоторой хищной уверенностью посмотрела вслед симпатичному ухажеру, но на призыв служащего все-таки откликнулась, понимая, что любое недоразумение решится очень быстро.

Но Александра-то узнала «служащего». Это был один из весьма неплохих агентов второго звена, который мог с ходу придумать такую правдоподобную ложь, что только за эти немислимые импровизации его и держали. Как бы ни был он слаб в физической и боевой подготовке, в данную минуту он свое дело сделал: девица вначале растерянно замотала головой, потом непонимающе пожала плечами, но затем и сама поспешала в сторону гардероба.

При виде этой сцены воспрянувшая духом агент сложила ладошки, словно для молитвы, и благодарно посмотрела под крышу. Наверняка шеф потом увидит это действие в записи и оценит благодарность своей подчиненной.

Дальше стало намного легче. Дмитрий Светозаров заметно сбавил скорость и с некоторой растерянностью принялся высматривать в толпе катающихся длинноногую девушку в яркой красной курточке, совершенно не обращая внимания на остальных и на целеустремленно подбирающуюся к нему все ближе и ближе Александру.

Наконец благоприятный момент настал. Одна из парочек, в шутку толкая друг друга, со смехом растянулась на льду. Несущийся рядом «сороход» резко принял в сторону, от него шархнул Динозавр и стал на ходу поворачивать голову, чтобы выразить хотя бы гневным взглядом свое порицание нарушителю правил. Поэтому и не заметил, как из-за группы переговаривающихся посетителей, которые, похоже, здесь встретились случайно и ехали со скоростью черепах, выкатилась тоненькая, по-юношески несуразная фигурка. Причем двигалась она задом, не видя наезжающего на нее мужчину. Чей-то запоздалый вскрик заставил Торговца повернуть голову и в последний момент заметить поперек своего движения падающую

на живот девушку. Он даже попытался взвиться в воздух, стараясь поверху преодолеть неожиданную преграду, но только успел поджать ноги. Да и Александра не дала ему ни единого шанса: не просто взлетела в нелепом падении, но еще и ногу в коленке согнула, вполне расчетливо позволяя конькам объекта ударить по ее ботинку. Кадр получился неповторимый: клиент рухнул носом в лед и только невероятным чудом успел сгруппироваться, показывая превосходное владение телом, и смягчить падение выставленными вперед руками. И моментально вскочил на ноги, словно резиновый ванька-встанька.

Зато суперагент упала, словно клуша. Вспыхнувшая в ноге боль была, конечно, ужасна, но – дело было сделано. Когда испуганный Дмитрий подхватил на руки пострадавшую, прямо на него уставились широко раскрытые от боли глаза, из которых скатывались две слезинки. Дальнейшим развитием событий Александра управляла со всем присущим ей цинизмом, изощренной изобретательностью и тем многовековым опытом, который заложен в генах некоторых женщин и позволяет им приручить любого мужчину.

Хотя внешне все выглядело в точности наоборот. Во всяком случае, в этом был уверен сам Дмитрий Светозаров. Пострадавшая, хоть и позволила снять с себя ботинок и даже немного помассировать ступню, в остальном вела себя очень строго, сдержанно и с явным недоверием. Она была озабочена прежде всего побаливающими коленками, которые потирала сама, да слишком назойливым к себе вниманием со стороны остальных посетителей. Ведь по меньшей мере десять человек посчитали своим долгом подойти к ограждению и спросить, не нужна ли их помощь. Когда соболезнавания прекратились, девушка попыталась заполучить назад свой конек. Вот тут Дин и включил универсальный «болтливый телевизор». Посыпавшимся из него ворохом интересной информации, обилием прибауток и смешных выражений он буквально атаковал пострадавшую жертву своего наезда. Так ему вдруг захотелось успокоить и хоть немного рассмешить этого скромного и до пощипывания в глубине души приятного человечка. Причем он не искал, даже не пытался искать какую-то причину открывшейся щедрости и светлого радостного чувства. Просто чисто машинально употребил все свои силы на то, чтобы эта симпатичная девчушка почувствовала себя хоть на мгновение счастливой. Чтобы эти удивительно родные глаза продолжали на него смотреть постоянно, меняя выражение от недоверчивого к восторженно-восхищенному.

Сам надел ботинок с коньком на женскую ножку и, поддерживая под локоток, проводил девушку на лед, уверяя, что обязательно научит всему лучшему, что умеет вытворять на коньках сам. Простенькая посетительница не ответила ни «да», ни «нет», просто чуть отстранилась, но не настолько, чтобы раз и навсегда пресечь любые ухаживания.

В следующие полтора часа Дмитрий превзошел сам себя. Никогда еще он не знакомился с девушками с такой бесшабашной настойчивостью и с таким горячим, даже яростным напором. Практически ему ни на что не требовалось подтверждения: говорил только он. Как и смеялся, шутил, поражал и поражался сам. Ему хватало в ответ только движения бровей, минимального краешка улыбки, расширенных от восторга глаз или слишком активного поворота головы в особо интересных моментах. И он с воодушевлением продолжал дальше. Ему казалось, что он идеально контролирует как внимание, так и интерес девушки, невзирая даже на ее застенчивое молчание. А к концу их совместного катания скромница даже позволила себе разговориться и стала односложно отвечать на вопросы по существу. Дмитрий прекратил потрясать воображение своей слушательницы умопомрачительными историями, поразительными фактами – и перешел к самому важному:

– И часто ты сюда приходишь?

Некоторая нерешительная пауза перед ответом:

– Два раза в неделю.

– Прекрасный выбор, мне здесь тоже очень нравится. Так все романтично и красиво построено. Особенно эти сталагмиты поражают. Тебе нравится?

– Вообще-то да, но иногда страшно, что они оторвутся и рухнут на голову.

– Да нет! Этот комплекс построен в расчете на десятибалльное землетрясение.

Раскрытые от удивления глаза.

– Правда?

– Совершенно точно! Как и то, что меня зовут Дмитрий. А тебя?

Затихшее дыхание, словно знание ее имени даст ему колдовскую демоническую власть над ней. Динозавр при этом постарался изо всех сил натянуть маску равнодушия и не спешил настаивать на ответе. Как правило, в таком случае женщинам самым очень любопытна реакция ухажеров. Сработало и на этот раз, они уже метров сто неспешно катились вдоль бортика, когда девушка наконец-то решилась:

– Саша, – но молниеносно поправилась: – Александра!

– Ой, какое длинное имя, – стал дурачиться Светозаров. – Хоть и чудесное, но я такого еще не встречал: Саша-Александра...

– Да нет, – тут же забавно возмутилась новая знакомая. – Сашей меня дома зовут, а Александра – это официальное, полное имя.

– Ага, значит, Сашей тебя только родители зовут?

Пауза.

– Родители мои погибли. – На глазах ее выступили слезы. – Я живу с бабушкой...

– Извини, я не знал. – Дмитрию хотелось провалиться под лед: ну кто мог знать, что на такую простую тему нельзя говорить. Поэтому у него и вырвалось непроизвольно от внутреннего желания оправдаться: – Моих родителей тоже двадцать лет как нет...

Девушку это поразило так, что она остановилась на месте как вкопанная, вцепившись в бортик:

– С кем же ты живешь?

– Сам...

– А бабушка с дедушкой?

– Увы, тоже умерли. Тринадцать и двенадцать лет назад. Но давай не будем о грустном. Лучше скажи мне, сколько тебе лет.

– А зачем тебе? – Даже самые серенькие скромницы не могут в себе задавить рвущееся из сознания кокетство. Хотя в данном случае это было больше похоже на настороженность.

– Дело в том, что завтра над центральной ярмаркой будет взлетать самый огромный воздушный шар нашего земства, так у меня там есть два места. Хочу тебя пригласить на показательный полет. Но дело в том, что нельзя подниматься в воздух несовершеннолетним. Так что, сама понимаешь, все равно твое удостоверение перед взлетом проверят...

– Я еще не давала согласия на свидание завтра! – запальчиво возразила Александра.

– Упаси боже! Как ты могла о таком подумать, – стал паясничать Дмитрий. – Ни о каком свидании и речи не идет, просто мне очень хочется хоть как-то компенсировать мой грубый наезд и чем-то взбодрить твое травмированное тело.

Опять девушке понадобилось время на раздумья и борьбу со своими колебаниями. Уже выковыряв кончиком конька приличное углубление во льду, она решилась:

– Я давно совершеннолетняя, мне девятнадцать.

– Никогда бы не поверил! – Динозавр со всей искренностью даже отстранился назад, чтобы лучше рассмотреть сразу расправившую плечи новую знакомую. – Мне кажется, ты скрываешь правду...

– Еще чего!

– Ибо от того возраста, что ты назвала, можно смело отнять... – Он сделал глубокомысленную паузу, еще раз внимательно осматривая девушку, и выдал «суровую правду»: – Три... месяца!

Александра внутренне облегченно вздохнула, потому что вдруг испугалась.

«Неужели перегнула палку? Не хватало только малолеткой теперь показаться... – Хотя она прекрасно знала, что на воздушных шарах могут летать и малолетние дети. – Но что за игра получится, если сразу все секреты раскрыть? Женщина должна до гроба оставаться полной загадок. Вот только кто из нас кого раньше в гроб загонит?» – подумала она, и так прекрасно зная, чем весь этот разговор кончится.

Поэтому вслух сказала совсем для мужчины неожиданное:

– Нет, я завтра не могу...

– А послезавтра? Да в любой день! Я ведь могу свои места отдать любому желающему и поменять на любое удобное для тебя время.

– Ну, я даже не знаю... – Теперь девушка смотрела подозрительно и с недоверием. Видимо, ей еще никогда в жизни не предлагали таких дорогих и жутко интересных развлечений. Чувствовалось, что полетать на шаре она мечтает с самых пеленок, но бабушкино воспитание настойчиво убеждает быть бдительной и ни за какие подарки не поддаваться на уговоры коварных обольстителей. И по ее личику читалось только одно: несмотря ни на что, она однозначно откажется от свидания.

Поэтому Дмитрий занервничал и немного неосторожно стал форсировать ситуацию:

– Мало того, там еще есть дополнительная возможность полетать на планере вместе с пилотом. У меня есть удостоверение пилота второго класса, так что приглашаю еще и на бесшумный полет в толще облаков. Это так впечатляет, когда на всей скорости пронзаешь белое пушистое облако, словно огромный моток сахарной ваты...

Он и дальше продолжал с огромным подъемом и убеждением, но внутри непонятной волной поднималась паника и недоумение. Девушка, вместо того чтобы и дальше слушать с открытым ртом, вдруг плотно сжала губы и решительно заспешила к сектору с раздевалками. И когда сошла с ледовой дорожки, с героическим отчаянием выдохнула:

– Нет, огромное спасибо за приглашение, но я не пойду. Прощайте!

Динозавр чуть не взвыл от досады и необъяснимой горечи. Первый раз в жизни ему отказывали. Причем отказывали после такой беспримечной, беспроницаемой подготовки, которую он вел в течение небывало долгого времени. Поверить в такое он не мог при всем своем богатом воображении, как и не мог понять, где, как и что он сделал не так. Какую ошибку допустил и чем испугал эту очаровательную скромницу. Ничего не оставалось делать, как предпринять самые последние, отчаянные попытки продолжить так вдруг ставшее жизненно необходимым знакомство:

– Хорошо, Александра, тогда хоть телефон дай. Я буду позванивать время от времени и предлагать самые экзотические и романтические развлечения.

– Нет, спасибо. Развлечений мне и так хватает...

– Но как же так! – воскликнул разочарованный до глубины души Дмитрий Петрович. – Неужели мы так больше и не встретимся?

– А зачем? – донеслось от девушки, которая еще больше ускорила шаг, приближаясь к закрытой для мужчин женской раздевалке.

– Как – зачем? Вдвоем ведь нам было весело и интересно. Вот сейчас мы просто здорово провели кучу времени. Да и вообще... что значит «зачем»? А зачем парень с девушкой вообще встречаются?

Неожиданно Александра резко остановилась и спросила, почти не скрывая своего презрения:

– Какой парень? Ведь ты же старый!

– С чего ты взяла? Мне ведь всего двадцать семь лет! – весело рассмеялся Динозавр, хотя на душе у него кошки скребли: никогда прежде ему не приходилось скрывать свой возраст. – Так что наша разница совсем минимальна.

Наверняка девушка ему не поверила:

– Не стыдно врать? Да и все равно, восемь лет – пропасть слишком огромная. Мне больше нравятся сверстники.

– Да нет, это тебе пока просто так кажется. Так сказать, юношеская непосредственность, максимализм. Зато со временем ты совсем по-другому взглянешь на эти несчастные восемь лет.

– Ничего себе, – задумалась коротко Александра. – Это ведь чуть меньше половины моей жизни. Все равно вы старый.

– Хорошо, возьми тогда мою визитку и звони мне в любое время, когда тебе заблагорассудится. Я постараюсь доказать тебе, что и у нас могут быть хотя бы чисто приятельские отношения.

Он чуть ли не насильно засунул в женскую ладошку очень дорогостоящую карточку со своими данными, настоящий шедевр полиграфического искусства. Казалось, девушка сунула этот прямоугольник в карман с такой беспечностью и равнодушием, что за первым же углом обязательно вышвырнет в любую попавшуюся на пути урну.

Так и скрылась новая знакомая в женской раздевалке, виляя неожиданно весьма недурственной попкой и переступая своими совсем не короткими ногами. Скорее всего, до этого ее вполне симпатичную фигурку уродовала складчатая юбка ниже колен и свитер грубой вязки, не только скрывающий талию, но и вообще превращающий свою носительницу в несуразную тумбочку.

Преодолев некоторый ступор, Дмитрий рванул в гардероб за своей сумкой, надеясь обязательно перехватить Александру у выхода из комплекса и хотя бы выследить, какая у нее машина. Но тут же со всего маху налетел на своего соседа, который с обидой затянул:

– Я тебе уже минут пять руками машу и кричу, как неполноценный. А ты так увлекся этой красоткой, так увлекся...

– Да какая она красотка? – удивился Динозавр и прибавил шагу. То же самое сделал и пристроившийся рядом Борис Бонке:

– О! Еще и как красивая. Если сам не хочешь за такой приударить, то меня хоть познакомь. А ты куда торопишься? Да остановись ты!

– Извини! Спешу!

– Разве не дадим пару кружков? Ты ведь обещал!

– Нет, сегодня не получится, в следующий раз.

В гардеробе Дмитрий быстро надел кроссовки да так, в теплом пуловере, и бросился на улицу. После сумрачной прохлады ледового дворца летняя жара полудня буквально оглушила и ослепила. Некоторое время он пытался наблюдать сразу за несколькими выходами и огромным морем припаркованных машин, потом вспомнил, что есть еще и подземный гараж, откуда машины выезжают с противоположной стороны, и заскрежетал от злости зубами:

– У-у-у-у! Почему мне сегодня так не повезло?! Или повезло? – Через десять минут бесцельного метания он наконец вынужден был сам себе признать: – Все-таки не повезло...

Пока разочарованный ловелас брел к своей машине, огибая здание и скрываясь из зоны видимости, с него не спускали глаз Павел Павлович и его донельзя довольная подчиненная. Хотя нудный, поучающий тон шефа никак нельзя было назвать радостным или хотя бы довольным:

– Шурка, мне кажется, ты провалила такое уникальное знакомство. Да он после такого отказа в твою сторону не только не посмотрит, но даже не вспомнит о тебе. Теперь и твой

звонок положения не спасет, такие отказы мужчины не прощают. Тем более такие мужчины, как Торговец. Ну как ты могла так сплеховать, как? Ума не приложу...

– Пыл Пылыч! Вы просто не видели его глаза, когда он со мной разговаривал и особенно в тот момент, когда мы прощались. А я видела! И не надо иметь среднее образование, чтобы понять: этот парень мой со всеми его мыслями и потрохами!

Уверена на все сто... да что там на сто – на тысячу процентов!

На такое заявление зубр спецслужбы только поморщился:

– Ох! Мне бы твою уверенность.

Глава 6

Пертурбации в королевстве Ягонов

На этот раз договорились о точной дате и времени прихода шафика в столицу. И, чтобы не маяться невыносимым ожиданием, Бонзай Пятый так загрузил работой себя и своих подчиненных, что через четыре дня Вельга напоминала несколько ссыпанных в одну общую кучу муравейников. Однако в кажущемся беспорядке просматривалась четкая организация и дисциплина, организованные крепкой рукой.

Наибольшие преобразования коснулись внешней политики города. Все реквизируемые у шпионов товары, а также те, что имелись во всех торговых структурах и хранилищах династии Ягонов, были предложены спешно разъезжающимся перед военной угрозой купцам по довольно большой цене, но с отсрочкой оплаты – под поручительство молодого короля. В том числе и лежащие в хранилищах слитки драгоценных металлов. То есть оплату разрешалось проводить в любое время в течение двадцати дней с момента взятия товара в кредит. Под залог шли дома, земельные участки, склады и магазины, то есть то, что и так должно было сгореть при уничтожении Вельги викингами. И то, что в последние дни купцы не могли продать остающимся в столице горожанам даже за несколько мизерных медяков. Ведь все знали о ледовых берсерках, идущих с большой водой, но никто не догадывался, что завоеватели желают закрепиться и остаться гарнизонами на месте. А в таком случае отпадала надобность сжигать как сам город, так и все строения в округе.

Так что предложение со стороны короля оказалось прямо-таки сказочным, своевременным – и им не воспользовался только ленивый. Виллы и особняки оформлялись как гарантия, а их владельцы с радостным энтузиазмом компоновали караваны с товаром и быстрым ходом выезжали из города в южном направлении. Причем потирали при этом руки со счастливым видом. Правда, если раньше, при старом короле, тот или иной дом стоил, допустим, десять подвод определенного товара, то сейчас его оценивали всего в одну подвод того же самого товара. И в договоре указывалось, что если хозяин дома пожелает его вернуть, то в течение все тех же двадцати дней обязан вернуть в королевскую казну денежный эквивалент в размере стоимости двадцати подвод все того же товара.

Конечно, получалась чистой воды спекуляция и использование государственной тайны с целью наживы. Но нажива эта шла в карман все того же государства, так что моральными терзаниями молодой монарх не мучился. Наоборот, радовался тому, что из города сбегут все самые корыстные и расчетливые ростовщики, спекулянты и перекупщики. Как раз те, кто имел в столице величественные, роскошные дома и стратегически важные земельные наделы. А в обрисованных шафиком планах на будущее территории внутри Вельги играли очень важную роль. Да и повод их прибрать под крылышко короны попался самый что ни на есть удачный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.